

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Закрой дверь за совой

Annotation

Человек вышел из дома — и пропал. Растворился в пространстве. Обычная история для большого города, где нет бдительных бабушек на лавочке, а дети предпочитают смотреть в гаджеты, а не по сторонам. Да и что за беда, если исчез старый мошенник Михаил Гройс? Кто о нем заплачет? Но, оказывается, есть люди, которым он дорог. Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин начинают расследование и быстро выходят на след похитительницы. Или этот след ведет в тупик? Стоит ли жизнь жулика драгоценной диадемы? Птица, влетевшая в дом — плохая примета. А если ты сам заманил в ловушку испуганного воробья, но внезапно обнаружил вместо него хищную и хитрую сову, беды точно не миновать. Не станет ли жертвой сам птицелов? Читайте об этом в новом детективе Елены Михалковой «Закрой дверь за совой».

Елена Михалкова

Закрой дверь за совой

© Михалкова Е., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Лине, без которой не было бы этой книги, и Андрею, который
пытался спасти Гройса*

Утром седьмого июня Михаил Гройс, профессиональный мошенник, вышел из квартиры на Новопесчаной улице и отправился в ближайший сквер. Как позже удалось выяснить, он провел там около часа, бродя по дорожкам в тени кленов и лип.

В полдень Гройс обычно пил кофе в маленькой кофейне неподалеку.

В два часа у него была назначена встреча.

В шесть к Гройсу должен был прийти массажист.

Михаил Степанович был человеком привычки.

Его видели в сквере — он побеседовал с соседкой, выгуливавшей лабрадора. Затем, если верить записям с камер наблюдения, прошел своим обычным маршрутом мимо салона свадебных платьев и продуктового магазина. Однако в кофейне так и не появился. Где-то на полпути Гройс бесследно исчез.

— Его нигде нет! — Моня Верман выглядел не столько взволнованным, сколько испуганным. — Мы все проверили.

— Морги — раз, — вступил Сема Дворкин, загибая пальцы. — Больницы — два. Его бывших женщин — три.

— И много у него женщин? — не удержался Сергей.

— Побольше чем у тебя. Гройс производит на дам чарующее впечатление.

Надо же, подумал Сергей, чарующее. Семьдесят четыре года чаровнику. Наверняка по именам путает своих пассий.

— У Миши выдающиеся мозги, — сказал Дворкин, словно прочитав его мысли.

— Ум ясный, как бриллиант, — подтвердил Верман. — К тому же он в отличной форме. Посмотри на нас! У меня одышка, у Дворкина суставы. А Гройс даже не знает адреса аптек, чтоб им и дальше не встречаться!

— Но три дня уже прошло!

— И никаких вестей.

Ювелиры замолчали и скорбно уставились на Бабкина с Илюшиным.

Все четверо сидели в магазине Вермана и Дворкина. Маленький Верман теребил пуговицу жилета, едва сходявшегося на выпирающем животе. Дворкин беспокойно потирал пальцы. При несомненном внешнем сходстве — оба круглые, низенькие, с мясистыми носами и блестящими лысыми в обрамлении курчавых волос — ювелиры производили на удивление несходное впечатление. Моня Верман был живчик и холерик. Сема — меланхолик с мягкой извиняющейся улыбкой на губах. Первый утверждал себя в пространстве, занимая места больше, чем было выделено ему природой: носил широкополые шляпы, задирали ноги на стол и издавал столько шума, что люди непроизвольно отодвигались подальше. Второй сутулился, ежил, как будто заранее признавая, что рядом всегда есть нечто более важное, чем он сам, и всем диванам предпочитал стул в углу.

— В полицию обратились? — спросил Илюшин.

— Сразу же.

— Заявление приняли?

Ювелиры кивнули.

— Но я же читаю по их лицам, словно это процентные векселя, — мрачно сказал

Верман. — На них написано: у вас пропал старичок, очень жаль, но у всех время от времени пропадают старички. Выходят из квартир, забывают куда шли, не помнят собственных имен...

— Это все не про Гройса, — покачал головой Сема.

— Ха! Да если бы это было про Гройса, мы бы никогда...

Моня Верман оборвал фразу на полуслове. Илюшин поймал быстрый взгляд, которым обменялись ювелиры.

— Мы бы никогда...

— Мы бы никогда не подружились, — после паузы закончил Дворкин.

— Он приехал полгода назад, — сказал Верман. — Оставил свою гостиницу на попечение дальней родственницы и решил какое-то время пожить в Москве. Чем он занимался? Чем может заниматься тихий интеллигентный старик! Утренний моцион, обед в ресторанчике, вечер в прекрасной компании, да, я имею в виду нас, и пусть Дворкин кинет камень в того, кто скажет, что это не так. Раскидывали картишки, травили байки... Безмятежные пенсионерские радости! Нет, мы-то не пенсионеры, но Миша Гройс — давно уже да, и между нами, это большое счастье для многих, что он уже тысячу лет как отошел от дел. Миша делал людей умнее, однако тут есть тонкая связь: отчего-то люди умнеют, когда денег у них в кошельке становится меньше, потому и говорят, что многие знания — многие печали. Что еще он делал? Читал. Пару раз наведывался к стоматологам, чисто чтобы похвастаться. И вдруг пропал.

Мог ли он взять билет на самолет и улететь в теплую цивилизованную страну? Да, этого нельзя исключать. Но очень странно, что он не предупредил своих друзей, поэтому им с Дворкиным кажется, что все обстоит гораздо, гораздо хуже.

Макар Илюшин и Сергей Бабкин переглянулись.

Дело, по всем признакам, было как раз для них. Много лет они занимались розыском пропавших людей. Положа руку на сердце, с учетом возраста Гройса, следовало ожидать, что расследование будет недолгим.

И все-таки Илюшина что-то смущало.

— Значит, Михаил Степанович приехал в Москву чуть больше полугода назад, — задумчиво сказал он.

— Чуть больше, — согласился Моня.

— Во вторник вы планировали сыграть с ним в преферанс.

— В преферанс, — эхом откликнулся Моня.

— Он возобновил общение, поскольку вас связывают теплые воспоминания.

— Воспоминания... — вздохнул Моня.

— О том, как вы облапошили Хрящевского на сто пятьдесят миллионов, — не меняя интонации, сказал Макар.

Верман так и подпрыгнул.

— Это была самозащита!

— Или на сто восемьдесят?

— Хрящевский был бандит! Он убил бы нас!

— Хотя я не удивился бы и двумстам^[1].

— Дворкин, да скажите же ему!

Сема потер нос.

— Видите ли, Макар... — начал он.

— Я вижу, что вы оба что-то утаиваете, — перебил Илюшин. — Хотите, чтобы мы начали искать вашего Гройса? Я не против. Но тогда рассказывайте все. А благостную историю о пожилом джентльмене, скромно проводящем время за преферансом с друзьями, оставьте полиции.

Сергей Бабкин, который невозмутимо перекатывал во рту зубочистку, выплюнул ее и поднялся со стула.

— Макар, все это можно сформулировать куда короче.

Он оперся ладонями о стол и мрачно осведомился, обращаясь к Моне:

— Во что вы опять влезли?

Тот издал было протестующий возглас. Но Дворкин махнул рукой:

— Расскажите им, Верман.

Моня вздохнул и рассказал.

Идея принадлежала Гройсу. Старая добрая афера с бриллиантами — что может быть респектабельнее? На выставке драгоценностей появлялся представительный пожилой господин в слегка старомодном костюме. Старомодность внушает доверие.

— Самым сложным оказалось собрать предварительную информацию, — сказал Верман. — Нам требовалась правильная выставка.

— Правильная выставка — это та, на которую попадают правильные люди, — тихо добавил Сема.

— Толстосумы? — спросил Сергей.

— Лучше, значительно лучше! Их жены.

Выставки драгоценных камней бывают разные. Те, на которые можно попасть, заплатив за входной билет двести рублей, троим мошенникам не подходили. Не годились даже те, где билет стоил пятьсот. Они ждали мероприятий, объявления о которых не вешаются на столбах и не появляются в прессе. Туда приходят те, кого устроители называют «избранным кругом», и этот круг не платит за вход.

— Пригласительный Гройсу получить не удалось, — сказал Верман.

— Пришлось нарисовать, — вздохнул Дворкин.

...Старый джентльмен в костюме-тройке и при золотых часах, цепочка которых свисает из кармана, неспешно бродит по выставке. Время от времени он достает складную ювелирную лупу и склоняется над заинтересовавшим его камнем. Иногда обменивается приветствием с кем-нибудь из гостей, так что у наблюдателя создается впечатление, что он знаком минимум с дюжиной из присутствующих. Одышливому толстяку джентльмен воодушевленно жмет руку и расспрашивает о делах. Бедняга расстается с ним в полной уверенности, что память ни к черту — он не в силах, как ни пытается, вспомнить этого благообразного господина.

Но Гройс здесь не из-за него. Его улов ходит рядом, шуршит юбками, вздыхает над ожерельями и браслетами, сверкающими под грамотно поставленным светом.

Бриллианты рассыпают снежные искры. Изумруды холодны и прекрасны, как вечность. Розовый сапфир нежнее лепестка шиповника, синий ярче волны.

Хороший драгоценный камень поет, и это пение сирены. Смотри на него, дыши им, впитывай его цвет, впадай в безумство.

Легкая утрата критичности восприятия — как раз то, что нужно старику, кивающему

тебе с мягкой улыбкой.

Если бы Михаил Гройс родился волком, в подведомственном ему лесу были бы самые здоровые лоси на всю округу. Добычу он определял с безошибочностью матерого хищника.

Завести будто бы случайный разговор — дело одной минуты. И вот Михаил Степанович уже рассказывает новой знакомой, что он здесь, собственно, по работе. В чем она заключается? Он инвестирует в драгоценные камни.

— Гройс работал виртуозно, — сказал Верман. — Я сам торгую сорок лет и знаю, как продать курицу женщине, которая пришла за десятком яиц.

— Курицу, козу, сенокосилку и девять соток под Воронежем, — буркнул Дворкин.

— Но Миша Гройс давал им больше. Я продавал курицу. А он — райскую птицу.

— А если без метафор? — спросил Макар.

Без метафор дело выглядело так: познакомившись с жертвой и произведя на нее благоприятное впечатление, Гройс рассказывал, что у него имеются бриллианты исключительного качества по невысокой цене. «Ничего подобного нельзя встретить сейчас в России. Поверьте, я знаю, о чем говорю». Откуда они? О, один его хороший друг владеет собственным месторождением — в Ботсване, а это для понимающих о многом говорит.

Женщина послушно кивала — ей хотелось выглядеть понимающей.

«Сейчас мне нужно аккумулировать средства для одной крупной покупки — не могу разглашать подробностей. Я распродаю свой запас. Вы же понимаете, вот-вот грянет кризис...»

Это был первый точный удар. При слове «кризис» жертва вздрагивала и испуганно вглядывалась в Гройса.

«Вопрос только во времени, — пожимал плечами старик. — Год, два... Я сам живу не в России, у меня чисто деловой визит в Москву. Но людей, у которых здесь семья, родители, бизнес... Мне их искренне жаль. Хорошо тем, у кого есть, скажем, бриллианты. Деньги превратятся в бумагу. А камни всегда в цене».

Это было второе попадание. Память подсказывала жертве, что старик прав: и мать, и бабушка хранили в шкатулке несколько колец, которые передавались по наследству. Их почти никогда не надевали. Предназначение этих вещей заключалось не в том, чтобы украшать, а в том, чтобы, когда придет страшное время, обратить их в настоящие ценности, сохраняющие жизнь: еду, одежду, лекарства.

«Не желаете выпить чашечку кофе? — предлагал Гройс. — Неподалеку варят отличный эспрессо».

И в уютном ресторане, где с ним уважительно, как с завсегдатаем, здоровались официанты, он продолжал лить свой вкрадчивый яд.

Первый этап общий для всех — испугать и показать путь спасения.

На втором начиналась тонкая индивидуальная работа.

Номер один: чуть больше сорока, невысокая, толстая, с полным отсутствием косметики на отеком лице. Речь быстрая, хорошо интонированная. Одета подчеркнуто небрежно. Экспрессивна и настойчива.

«Представьте, как будет поражена ваша семья, когда узнает, что вы — обладательница приличного состояния. Интуиция мне подсказывает, что они ценят вас недостаточно. В вас

чувствуется деловая хватка. Вы умны, сообразительны, отлично понимаете, где ваша выгода. Что? Домохозяйка? Не смешите, моя дорогая. Мы беседуем больше часа, и поверьте, вы дадите фору большинству мужчин в умении задавать правильные вопросы».

Номер два: лет тридцать пять, худошава, бледна. Речь медленная и неуверенная. Одета настолько безупречно, что это выдает плохой вкус.

«Когда придет кризис и бизнес вашего мужа окажется под угрозой, кто сможет спасти его? Представьте: он думает, что разорен, его дело уничтожено. И вдруг появляетесь вы и выкладываете перед ним на стол один чистейший бриллиант за другим. Тогда он поймет, что настоящая драгоценность — это женщина, на которой он женат. Простите, чем вы занимаетесь в свободное время? Садом? Да, в ваших руках все должно расцветать. Вы несете жизнь, несете спасение всему живому».

Номер три: около двадцати восьми, очень красива, самоуверенна. Одета эффектно, на пальцах дорогие кольца, сделанные явно на заказ.

«О нет, моя дорогая, с вами у меня не может быть никаких дел! Муж запретит вам такие серьезные траты».

— Они купили у него отличные бриллианты по смешной цене, — сказал Верман. — Такой смешной, что я плакал, когда продавал им свои камни.

— Подождите-подождите, — Сергей протестующе вскинул руку. — Вы отдали Гройсу свои бриллианты, он всучил их богатым скучающим дамочкам... В чем профит?

— Не просто всучил. Миша предупредил, что возьмет камни обратно, если у покупательницы возникнут какие-то сомнения. Он был с ними любезнее, чем мой дядя Лева с кредиторами. «Я не хочу, чтобы вы пожалели о принятом решении!» В торговле и при знакомстве с женщинами первое впечатление — самое важное. Они должны были ему доверять. И он этого добился.

— Камни были чистейшие, — вступил Дворкин. — Сертификат МГУ, все честно. Гройс посоветовал клиенткам проверить покупку у независимого геммолога. Тот все подтвердил.

— То есть вы на этой сделке потеряли?

— Больше, чем юноша теряет иллюзий в браке.

— И кто-нибудь вернул бриллианты? — спросил Макар.

— Одна робкая лань передумала. Миша немедленно отдал ей деньги. Что она сделала после этого, знаете?

Макар рассмеялся:

— Купила их обратно.

— Ты понимаешь за женское сердце, — кивнул Верман. — Она убедилась, что здесь ее не обманут. И захотела вдвое больше, чем в первый раз. Женщины всегда так поступают.

— Конечно, Гройс продавал не бриллианты, — помолчав, сказал Дворкин. — Одна купила у него мечту о собственной значимости. Вторая приобрела ощущение, что она умнее своего супруга. Третья — упоительное чувство настоящей большой тайны. Четвертой оказалось достаточно намекнуть, что муж не позволит ей совершить такую сделку, и она вцепилась в камни из одного только чувства протеста.

— Признаюсь, в какой-то момент я подумал, что мы рассчитали неправильно, — сказал Верман. — Что на этом все закончится. Довольные тетки усядутся на наших камешках, как курицы на яйцах. Но Миша оказался умнее меня.

— Прозорливее, — поправил Сема. — Он знал, что будет дальше.

Счастливая женщина болтлива. Она не в силах держать радость в себе. Ни одна из жертв Гройса не поделилась с мужем — на это и был расчет, — но каждая рассказала подругам о старике, продающем бриллианты высшего качества.

— Пирамида! — Сергей наконец понял, что задумали Гройс сотоварищи.

— Тетушки понесли нам деньги, — грустно сказал Моня. — Они получали камни, может быть, не такие хорошие, как первые...

— Совсем никудышные? — прямо спросил Илюшин.

Верман попытался юлить, но вынужден был признать, что камни были паршивые.

— Брак, — вздохнул Сема.

— Хлам, — подтвердил Моня.

— А если бы их проверили у геммолога?

— Непременно проверили бы, — согласился Верман. — Поэтому Миша провернул всю операцию махом. Одна встреча — и все расходятся довольные.

— Сколько их было? — спросил Илюшин. — Кинутых?

Моня молчал.

— Трое? Пятеро?

— Двадцать две, — выдавил Верман.

Бабкин крикнул.

— Средняя сумма покупки?

— Да немного, — жалобно пробормотал Моня.

— Сколько?

— Ну, пара миллионов... Может, три...

— Кто-то и на пять набрал, — подал голос Дворкин. — После этого Гройс должен был просто исчезнуть.

— Он и исчез, — подытожил Илюшин. — Вы собирались поделить деньги во вторник, так? М-да, эту историю вы в полиции не расскажете...

Илюшин посмотрел на помрачневших ювелиров. Он прекрасно понимал, что обоих терзает одно подозрение: что, если Гройс решил попросту сбежать, не пожелав делиться?

— Не поступил бы он так, — пробормотал Дворкин. — Миша — человек исключительной честности!

Сергей Бабкин все еще продолжал смеяться, когда за детективами закрылась дверь ювелирного магазина.

— Ха-ха! Исключительной честности!

— Ты же понимаешь, что он имеет в виду.

— Понимаю. Все равно звучит сказочно.

Они свернули в безлюдный двор, где только худая кошка грелась на подоконнике первого этажа над вечной надписью «Лена — дура». В каждом дворе живет такая Лена, никуда не деться от нее, глупой, вредной и хорошенькой, как ангорский хомячок. Может быть, подумал Макар, она и не существует сама по себе, может быть, ее вызывают к жизни эти надписи. Наступает день, когда патриархи двора, сажавшие сто лет назад в окрестную землю черенки тополей, собираются вместе и молча решают, что умных вокруг стало слишком много. Баланс сил вот-вот будет нарушен, и приведет это к катастрофам, а то и еще хуже — реновациям. Чтобы не случилось беды, один из них достает нестираемый мел и выводит на стене куриным почерком заветные слова: «Лена — дура». Разместить заклинание на самом

видном месте, и никто не догадается, что это магия.

И вот уже все возвращается на круги своя: дом стоит, свет горит, дети играют в мяч, соседка с пятого сушит свои трусы над клумбой с бархатцами и гоняет алкаша Леху, чтобы не курил на лестничной клетке, тополя роняют пух, кошка греется на подоконнике.

— О чем задумался? — спросил Сергей.

— О вечных вещах, — помолчав, сказал Илюшин. — О том, почему они не исчезают, хотя должны бы.

Бабкин достал сигареты. Он давно бросил курить и носил с собой пачку лишь для того, чтобы удобнее было разговорить свидетелей. Но день сегодня выдался солнечный, с мягким теплым ветром, — такой день, когда единственное, чего не хватает, чтобы сделать его совсем славным — это вовремя выкуренной сигареты. И двор вокруг был правильный, как с картин советских реалистов. Даже маленький ржавый «запорожец» приткнулся в углу, бог знает отчего не увезенный отсюда хищными эвакуаторами.

— Ты встречался с Гройсом. — Макар смахнул со скамьи тополиный пух и сел. — Каким он тебе показался?

— Хитрый старый лис.

— Мог кинуть своих?

Бабкин повертел зажигалку.

— Вряд ли. Сумма не та. Для старикана подобная афера — просто развлечение. Приработок к пенсии.

— К тому же гостиницу на побережье он передал то ли внучке, то ли племяннице...

— Может быть, с новыми владельцами дело нечисто? Об этом тебе лучше спросить у Вермана.

— Спрошу. Плохо, что они врут на каждом шагу.

Из подъезда вышел старик с черным мопсом. Мопс покосился на кошку. Старик покосился на сыщиков.

— Выходит, Моня с Дворкиным поучаствовали в деле бриллиантами, а Гройс взял на себя основную работу, — задумчиво сказал Макар.

Приличного вида джентльмен, инвестирующий в драгоценные камни, появлялся из ниоткуда и растворялся в тот самый момент, когда все были уверены, что серьезные сделки только начинаются.

— Проверить бриллиант — дело пары часов. — Сергей с удовольствием затаился и выпустил дым. — Если кто-то из теток понял, что ее обманули, и кинулся к мужу...

— То у нас двадцать два потенциальных подозреваемых в похищении Гройса.

— Зачем похищать? Может, убили и прикопали?

— Не знаю, просто версия. Ладно, давай работать. Ты проверяешь камеры и свидетелей, я попробую для начала выбить из Вермана фамилии облапошенных баб.

— Думаешь, Верман знает?

— Надеюсь, Гройс называл хоть какие-то имена. Иначе у нас уравнение с двадцатью двумя неизвестными.

Глава 2

Сознание возвращалось так: сначала слух. Как будто сквозь сон кто-то настойчиво позвал его: вставай, пора!

Затем зрение. Перед ним забрезжило белое, с редкими вкраплениями синевы. Гройс решил бы, что видит облачное небо, если б изображение не было так бесспорно лишено объема.

Он сфокусировал взгляд и обнаружил, что смотрит на стену. Стена была оклеена светлыми обоями с васильками.

Итак, перед ним стена, слева тоже стена, а его тело, переодетое в пижаму, покоится на широкой кровати.

Больница?

Но Гройс уже знал, что нет. Обоняние возвратилось последним, зато одним махом, точно сдернули с носа прищепку. Повяло сладковатым химическим ароматом, похожим на земляничный, куриным бульоном и почему-то псиной. Однако в этом странном аккорде не прозвучало и ноты больничного запаха.

Старик застонал и попробовал перевернуться. Что-то звякнуло, и он сразу понял, что это.

Наручники. Его приковали к постели.

— Вы долго спали, Михаил Степанович.

Гройс повернулся на голос. Движения давались ему с трудом, но без боли, словно он плыл в тугой воде.

— Вот, выпейте.

Ему приподняли голову, хотя с этим он бы справился и сам, и влили в рот несколько глотков воды. Жидкость потекла по подбородку, и старик раздраженно оттолкнул чашку — слава богу, хоть правая рука оказалась свободна.

— Где я? — просипел он.

— В моем доме.

Женщина лет пятидесяти в темно-синем платье заботливо склонилась над ним, поправила одеяло. В памяти что-то промелькнуло.

— Я вас видел. Ира?

— Ирма.

Гройс попытался сесть. Снова звякнуло, и старик уставился на цепочку, соединявшую его запястье со спинкой кровати.

— Вынужденная мера, — сказала женщина, опустившись на край постели. — Непродолжительная.

— Вынужденная? Что происходит?

Одно из правил Гройса гласило: всегда притворяйся слабее, чем ты есть. Пусть противник недооценивает тебя. В нужный момент ты воспользуешься его заблуждением.

Но сейчас ему не приходилось играть: он и впрямь чувствовал себя беспомощным. Как медуза, вытасченная на берег. Глупое склизкое желе, не способное преодолеть и пары метров до спасительной кромки моря.

Больше всего беспокоили не наручники — в конце концов, оказываться прикованным Гройсу было не впервой. Мучил провал в памяти. Он не помнил, как попал сюда. Тротуар...

июньский пух летит отовсюду... Набухшие чернильные гроздья сирени, шум машин...

Гройс мысленно проделал путь из сквера домой заново. Но воспоминания обрывались на том месте, где он приветственно кивнул знакомому продавцу в палатке с фруктами.

— Как я здесь оказался? Потерял сознание на улице?

— Почти, — отозвалась женщина после небольшой заминки. — Вам нужно поесть. Я принесу бульон.

Она встала, разгладила подол. Жест этот почему-то насторожил старика. Едва она вышла, он откинулся на подушку, закрыл глаза, выровнял дыхание.

Ирма вернулась очень быстро. Старик разглядывал сквозь неплотно сомкнутые веки, как она ставит поднос на стул рядом с кроватью, садится, снова и снова проводит ладонью по темно-синей ткани, разгоняя волны мелких складок. И вдруг осознал, отчего ему не нравится этот жест. Он вызывал в памяти одного его давнего знакомого, страдавшего неврозом навязчивых состояний.

— Поешьте. А затем поговорим.

Что ж, это его устраивало. Гройс сел и покорно принял из ее рук поднос с пиалой.

Позже он думал, что именно тогда упустил свой шанс. Рядом был стул, а на коленях поднос, пусть и легкий, но с острыми углами — ударить ее в висок, повалить на кровать, придушить до потери сознания. Старик был далек от мысли, что о нем заботится добрая самаритянка. Его приковали к кровати. Никакими куриными бульонами не залить тот факт, что он здесь пленник.

Но вместо того, чтобы нанести удар, Гройс продолжал молча глотать теплую жидкость. «У нее может не быть с собой ключа от наручников», — прикидывал он. Но главное, не было уверенности, что хватит сил одолеть эту бабу. Черт знает, какую гадость ему вкололи: во внезапный обморок без химических веществ он не верил.

— Я буянил? — спросил он с добродушной улыбкой и подергал левой рукой. Цепочка зазвенела.

— Доешьте, — сухо вато посоветовала женщина.

Что ж, на провокации не поддается. Ладно. Будем пока играть по твоим правилам.

Короткий период, когда Гройс был полностью дезориентирован, прошел, и теперь он вытягивал информацию из всего, что видел и слышал.

Первое и самое главное: звуки. Их почти нет, вернее, нет привычного сопровождения его жизни: неумолчного гула московских трасс. В приоткрытую форточку доносились птичьи трели, шумела листва — и только.

Дом. Частный. На отшибе или в очень тихом месте, судя по тому, что он глотает свой бульон уже десять минут и за это время не услышал ничего даже отдаленно похожего на голоса или мотор автомобиля.

Второе — комната. Светелка, в которой всей обстановки — лишь его кровать и стул. Даже ковра на полу нет. Два окна, завешенных скучными бежевыми шторами, довольно плотными, хоть и пропускающими дневной свет. Под потолком качается лампа в молочно-белом коконе абажура. Дверь плотно закрыта.

Она забрала у него пиалу с остатками бульона, поднялась и прежде чем уйти, ногой отодвинула стул на середину комнаты. Так, чтобы он не мог дотянуться.

— Теперь давайте побеседуем. — Вернувшись, Ирма села не на кровать, а на стул, в некотором отдалении от него. — Вы меня вспомнили?

— В общих чертах, — соврал Гройс. — Вы приходили ко мне два?.. три дня назад?

— Четыре, — она любезно улыбнулась. — Помните, о чем я вас просила?

Настала очередь Гройса улыбаться:

— Вы не просили. Вы предложили сделку.

— И вы отказались.

Ладони ее лежали на коленях — длинные пальцы, скромный бежевый лак на овальных ногтях. Спокойное достоинство во всем облике. Лишь помада, на взгляд Гройса, была ярковата — неожиданное пятно фуксии на бледном лице. Из украшений только брошь на платье: светло-желтые листья и ягоды из янтаря.

— Я не торгую своей биографией.

Женщина понимающе кивнула и сложила губы в сочувственную полуулыбку.

— Боюсь, теперь у вас нет выбора.

— Почему?

— Условия поменялись, Михаил Степанович. Вы сами не замечаете?

Она с еле уловимой издевкой обвела рукой комнату. Гройс начал что-то понимать.

— Хотите сказать, вы приволокли меня сюда, чтобы я рассказывал вам подробности своей трудной судьбы? В самом деле?

Он захохотал и смеялся, пока в горле не запершило.

Ирма терпеливо ждала, и, когда стало тихо, сказала:

— Взаимная откровенность — залог успеха нашего сотрудничества...

— Давайте-ка без лозунгов, — оборвал старик.

Он начал злиться. При первой встрече она показалась ему странной, как бывают странны очень целеустремленные люди, но никак не глупой. Теперь он внес поправку в свое первое впечатление. Дура. Законченная. Из тех легко стервенеющих баб, которые без угрызений совести переедут машиной соседскую шавку, если та вздумает гадить им на газон. Сколько времени он провел без сознания? В комнате часов не было. Его собственные наручные часы, очевидно, находились там же, где его костюм.

Интересно, Ирма сама переодевала его? Или у нее был помощник? Не так-то просто ворочать безвольное тело.

Морщилась она, когда снимала с него носки? На несколько секунд Гройс пожалел о своей чистоплотности. Представив, как со стуком падает на пол ботинок и в нос Ирме шибают удушливая вонь, он даже развеселился. Баба-то чистюля. Из тех, у кого в сортире миллион освежителей воздуха, но она все равно каждый раз в хозяйственном покупает новый и никак не может остановиться.

Какой сегодня день? Гройс дотронулся подбородка и вздрогнул: пальцы кольнула короткая щетина. Выходя из дома во вторник, он был чисто выбрит — получается, сегодня уже среда.

Сутки. Он лежит здесь сутки.

— Вернемся к откровенности, — ровным голосом произнесла Ирма, ничем не выдавая своего раздражения. — Возможно, вы забыли то, что я вам рассказывала о себе. Давайте напомним. Пятнадцать лет я пишу детективные романы. Две книги в год. Сорок тысяч твердого тиража стабильно расходятся в первый же месяц продаж. Вы понимаете, что это значит?

Гройс хмуро мотнул головой.

— Что я очень хороша. — В ее голосе не звучало ни грамма хвастовства или даже удовлетворения. Она лишь констатировала факт. — Не лучшая, нет. Любители детективов

назвали бы вам как минимум три фамилии из тех, с кем мне приходится соперничать. И все трое продают больше. Но до последнего времени я крепко стояла на ногах.

Гройс непроизвольно перевел взгляд на ее ноги. Из-под подола выглядывали разношенные коричневые туфли на плоской подошве. Любопытно, она надела туфли ради него или всегда ходит в них? Чем дольше он смотрел на нее, тем больше склонялся к мысли, что это ее повседневная домашняя обувь.

— Вы мне все это уже рассказывали. Трагическую повесть о том, что у вас закончились сюжеты.

— Послушаете еще раз, — невозмутимо парировала она. — Так что, Михаил Степанович, вы правы. У меня действительно больше нет идей для новых книг. А вы — ходячий кладезь историй. Вам семьдесят четыре года, у вас за спиной полвека мошенничества...

— Не знаю, кто ввел вас в заблуждение... — скучным голосом начал старик.

Она махнула рукой:

— Перестаньте! Все, что мне от вас нужно — это десяток-другой криминальных случаев из вашей жизни.

Гройс насмешливо улыбнулся.

— Я сделаю из них приключения, — заверила она. — Но мне нужны детали. Подробности. В таких вещах крайне важна достоверность! Я все продумала! — Ирма подалась вперед, глаза ее заблестели. — У меня будет сквозной герой — мошенник и пройдоха. Кто-то вроде Остапа Бендера нашего времени. Пусть он кочует из романа в роман. Обрастает друзьями. Ввязывается в авантюры. А в финале раскается и уйдет на покой. Может быть, даже станет помогать полиции. Расскажите мне о нем, Михаил Степанович, и выйдете отсюда через две недели.

— А если не расскажу?

— Расскажите. — В ее голосе звучала поразившая его убежденность. — Вы умный человек.

— Что это значит, по-вашему?

— Что вы способны правильно расставить приоритеты.

Старик хмыкнул.

— И какие же у меня приоритеты?

— Вам нравится жизнь, — просто сказала Ирма. — Вы любите вкусно поесть, выпить хорошего вина. Теплым вечером вы садитесь на балкон, глазете на девушек, нюхаете сирень... Наверняка раз в неделю играете в покер с друзьями. Пересматриваете старые фильмы. У вас отличная жизнь, Михаил Степанович!

— Вы забыли упомянуть проституток, — усмехнулся он. — Таких, знаете, сисястых и с жирными задницами. Люблю дебелих! Заказываю их пару раз в неделю. Хорошо идут к сирени и покеру.

На ее лице промелькнула гримаса отвращения, такая мимолетная, что если б Гройс не ловил ее, как бабочку, в сачок своего внимания, он бы ничего не заметил. «Что, голуба, сбил я тебя с мысли?»

Но она быстро взяла себя в руки.

— Вы захотите как можно скорее вернуться к вашим удовольствиям, Михаил Степанович. К сирени, балкону... и девицам. Это случится буквально через пару недель. Вряд ли у нас уйдет больше на то, чтобы записать вашу биографию. Мне не нужна вся ваша

жизнь. Только избранные моменты.

— Слушайте, вы не в себе, — устало сказал Гройс. — Сначала вы предложили мне денег, но это не сработало. Тогда вы меня похитили. Ирма, вы соображаете, или на истощенной творческой почве у вас никакие здоровые мысли не растут? Допустим, я согласился на ваши условия. Вы собираетесь потом меня убить?

— Зачем?

— А! Значит, отпустите меня, и я мирно побреду домой, да? Голуба моя, я направлюсь напрямиком в полицию и расскажу им, где провел последние две недели. И кстати, сирень уже к тому времени отцветет.

Ирма улыбнулась.

Если упоминанием о шлюхах Гройс надеялся выбить ее из колеи, то теперь настала его очередь чувствовать себя неуверенно. Отвратительная это была улыбка. Покровительственная и жалостливая.

— Михаил Степанович, вы старый.

— Что?

Он так растерялся, что даже не почувствовал обиды, хотя упоминание о возрасте его всегда задевало.

— Вы старик. А старикам никто не верит. Вы сможете предъявить хоть одно доказательство?

— Но... Как же...

— Я скажу, что ноги вашей не было в моем доме. Что вы просто спятивший дедок. В нашей культуре, Михаил Степанович, если вам больше шестидесяти, ваши слова по умолчанию имеют меньший вес, чем слова сорокалетнего. Старческие болезни! Деменция, бред, ипохондрии, мании... Галлюцинации! Я расскажу, как обращалась к вам за помощью, но вы выставили меня из своей квартиры и выглядели крайне возбужденным. После этого я вас больше не видела.

Ирма нахмурилась и очень естественно произнесла, обращаясь к незримому собеседнику возле окна:

— Простите, что? Он утверждает, что я держала его у себя, потому что мне требовалось описание его афер?

Она расхохоталась.

Затем, вмиг став серьезной, перевела взгляд на Гройса:

— Убедительно?

«Сука».

— Есть кое-что, чего вы не предусмотрели, — медленно сказал он. — А если я сейчас возьму да сдохну прямо тут от сердечного приступа? Как будете прятать тело? Вы не представляете, сколько возни с трупом. Даже с таким древним, как мой.

Ирма покачала головой.

— Михаил Степанович, вы как ребенок, ей-богу. Зачем мне прятать ваш труп? Я сниму с вас наручники, вызову врачей и полицию. Расскажу им, что вы пришли ко мне два часа назад.

— А где я был до этого?

— Понятия не имею, — удивленно отозвалась Ирма. — Скитались. Может, забыли где живете. Я бы не удивилась! Вы заговаривались, производили удручающее впечатление.

— Откуда я узнал ваш адрес? — резко спросил Гройс.

— Я сама вам его назвала, когда приезжала обсудить мое предложение.

— Значит, я заговаривался?

— И тряслись. Я не могла отпустить вас в таком состоянии одного! Поймите, мы все беспокоимся за стариков. Они плохо приспособлены к нашей жестокой действительности...

Уголки ее губ скорбно опустились. Лицо приобрело выражение сострадания, в глазах мелькнули слезы.

— Сколько времени я провел без сознания и что вы мне вкололи? — спросил Гройс, чтобы заполнить растерянную паузу. Не выдать, до какой степени его ошеломила — нет, не столько ее предусмотрительность, сколько своя неспособность предугадать ее действия. Он пытался сконцентрироваться, но стоило ему вспомнить ее пренебрежительное «вы старый», и мысли путались.

— Меньше суток. Не беспокойтесь, ничего дурного с вами не случилось. И вашему здоровью угрозы тоже нет. Вы в состоянии диктовать.

Она закрыла его в этой комнате-коробочке, как жука, и ждет, что он будет жужжать и разгонять крылышками застоявшийся воздух, в котором больше не витают идеи. Гройса охватила такая ярость, что перед глазами замельтешили черные точки. Тише, тише... Так и в самом деле недолго до инфаркта!

Он вдруг ужасно испугался. Она даже скорую к нему не вызовет, случись что. Позвонит им, когда он уже умрет, и выдаст свою поганую байку о спятившем пенсионере, прибившемся к ней как бездомная дворняга.

Перед Гройсом открылась бездна, из которой на него оценивающе глянула смерть. Ты идешь, старик?

Гройс отшатнулся.

— Тащите компьютер, или диктофон, или что там у вас, — хрипло сказал он.

Несколько секунд Ирма пристально смотрела на него.

— Вы еще не готовы.

— Готов.

— Я думала, раньше вечера не приступим.

— Незачем тянуть.

— Раньше сядем, раньше выйдем, так? — она весело подмигнула.

Гройс выдавил из себя улыбку.

— Я очень рада, что вы так быстро приняли решение. Нет, поймите правильно, я не сомневалась в вашем здравомыслии... Но все-таки способ, которым я...

Она заметила в его глазах насмешку и резко оборвала свою болтовню.

— Давайте работать.

Рука ее скользнула в карман, и из недр синей юбки был извлечен сначала блокнот, затем тюбик помады. Она что, собирается красить при нем губы? Но вместо яркого стика из тюбика выполз бледно-розовый столбик, которым Ирма провела по губам. Сразу разъяснился и источник запаха химической земляники — пахла помада, резко и отталкивающе.

— У меня пересыхают губы, — пояснила Ирма, поймав его внимательный взгляд. — Приходится постоянно смягчать. — Она открыла блокнот. — Что ж, я готова...

— Много лет назад я оказался в тюрьме, — медленно начал Гройс. — Вины на мне не было. Я загремел по доносу. Ну, знаете, в те времена с этим было просто. А доносчиком был мой друг.

Быстрый сочувственный взгляд.

— Серьезно?

— Да. Ему нравилась моя девушка. И еще я тогда устроился радистом на «Атамана Разина», хлебное место. Мы в Японию ходили, торчали в порту по две недели. Надо было совсем дураком быть, чтобы на этом хоть чуть-чуть не подняться. — Гройс выразительно потер большой палец об указательный. — А мой дружок как раз мечтал о том, чтобы его туда взяли. Вот он и состряпал писульку. Короче, возвращаюсь на родину, а меня прямо с трапа снимают — и в воронок. Я такой: что за ерунда? Никто мне, конечно, ничего не объясняет. Пару раз сунули в рыло, я и заткнулся.

— Какой это был год? — спросила Ирма. Она стремительно строчила в блокноте.

— Не помню. Но репрессивная машина нашего государства работала на всю катушку. Суд, конечно, состоялся — чистая формальность. У судьи на роже все было написано. Эта падла, ухмыляясь, шмякнула мне пожизненное, и засим я отправился в камеру.

— На зону?

— В тюрьму особого режима. Представляете, в каких условиях там живут заключенные? Каменный мешок в подвале. Ни окон, ни сокамерников. Даже крысы не приходят. Я думал, свихнусь. — Гройс покачал головой. — Но через несколько лет услышал, как...

— Несколько лет? — изумленно перебила она.

— Ну да. Чему вы удивляетесь? Я там провел немало времени! В общем, я услышал стук. Ночью. Хотел заорать, да удержался, слава богу. Гляжу — из-под койки вылезает перепачканная фигура. Я, извините, едва не обмочился.

Ручка бешено выплясывала на листе, оставляя за собой вязь закорючек.

— Короче: оказалось, что это не дух, а такой же заключенный. Бывший священник. Кто-то из прихожан капнул, что он хулит власть, и его, естественно, тут же закрыли. Случилось это за десять лет до того, как я попал в тюрьму. И он десять лет рыл подкоп. Головастый был мужик, и руки золотые. Мы с ним через этот ход пробрались в его камеру. Когда он мне инструменты свои показывал, я аж дара речи лишился. Ну, Кулибин, натурально! Но кое-что не рассчитал. Думал вылезти за пределы тюрьмы, а оказался в моей камере. В общем, мы сдружились. Когда вертухай сваливал, он ко мне приходил. Образованный был, начитанный. Мы с ним латынь изучали. Древнегреческий...

— Вы говорите на латыни?

— Читаю. Со словарем. Пер аспера ад астра, знаете...

— Неужели вас ни разу не застали?

— Мы были очень осторожны. Учитывали расписание обхода надзирателей. Однажды придумали с Фаридом — так звали священника — новый план побега. Но для этого нужно было подписаться на мокруху. А пока я раздумывал, Фарид внезапно заболел. С ним случился приступ.

— Какой?

— Эпилептический, — отозвался Гройс. — А после паралич. Он уговаривал меня бежать одного, но я решил остаться с ним до конца. Когда Фарид понял, что я его не брошу, он мне кое-что рассказал. Много лет назад ему исповедался бандит... Награбили они со своими корешами столько, что на десять жизней хватило бы. Ювелирный взяли. Но менты за ними шли по пятам, и бандит зарыл коробку с камешками в одном секретном месте. Его подстрелили. И перед смертью он рассказал Фариду, как ту коробочку отыскать. А Фарид передал мне. Когда он умер...

— ...вы вынули его тело из савана, переложили на свою постель, а сами забрались в

мешок и притворились мертвым?

— Вы дьявольски догадливы!

Ирма встала и захлопнула блокнот. Губы сжались в тонкую линию.

— Байками меня потчуете, Михаил Степанович?

— Хорошего человека и угостить не грех, — усмехнулся Гройс.

— Графа Монте-Кристо из вас не вышло!

— Как и из Оси Бэ, которого вы зачем-то из меня упорно лепите, — отозвался старик.

Он лег и закинул руку за голову, очень довольный собой. Долго же она слушала его историю, прежде чем сообразила, что ее дурачат.

— Курить хочу. Тащите сюда мою трубку.

— У меня не курят! — резко отозвалась Ирма.

— Нет трубки — нет мультиков. Знаете такой анекдот?

Она постояла, возвышаясь над ним, и лицо у нее было как у завуча, которому отпетый двоечник начал срывать открытый урок — пугающее сочетание профессионально скрытого бешенства и уверенности, что спустя короткое время гаденыш получит свое. Но старик ухмылялся. Ему удалось немного отомстить ей за всю ту поганую болтовню, которой она его кормила.

Ирма вышла и мягко прикрыла за собой дверь.

Первый час Гройс лежал неподвижно. На второй начал греметь цепочкой. Он подергивал ее, болтал рукой влево-вправо и наслаждался дребезжанием. Ирма застала его мурлыкающим «Катюшу».

— Хотите привлечь чье-нибудь внимание или вывести меня из себя?

— А можно и то, и другое? — оживился Гройс.

Она сухо улыбнулась.

— Насчет внимания я вам уже объясняла. Можете даже кричать, если пожелаете. Попробуете?

— Аа-а-а! — повысил голос старик. — Знаете, нет, что-то не хочется. Берегу горло.

— Разумно. Оно вам еще пригодится для диктовки.

— Да не буду я вам ничего рассказывать! — старик рассмеялся. — Неужели вы еще не поняли?

— Это вы не поняли, Михаил Степанович.

— Станете пытаться меня, если я не расколуюсь?

— Вы не поняли, что времени у меня гораздо больше, чем у вас. Вы можете сидеть здесь месяц. Или два. Но в конце концов я все равно получу от вас то, что нужно.

— Ну вот что, — решительно сказал Гройс и сел. — Предлагаю компромисс. Вы меня немедленно отпускаете и вызываете мне такси. Я не в том возрасте, чтобы совершать долгие пешие прогулки. А я даю вам слово, что не заявлю на вас в полицию. Идет?

Ирма молча смотрела на него, и по ее непроницаемому лицу Гройс не мог понять, о чем она думает.

— Деточка моя, — голос его зазвучал мягко и убедительно, — давайте признаем, что вы придумали ерунду. Но мы можем прекратить ее в любой момент без пагубных последствий. Видит бог, вы не дождетесь от меня никаких рассказов. Ваша затея, она... м-м-м... очень книжная, уж простите за прямоту. Нежизнеспособная.

Не говоря ни слова, Ирма вышла. Гройс выдохнул и поздравил себя с победой. Свершилось! Ему удалось достучаться до ее разума! Значит, ключи от наручников у нее все-

таким не с собой... Правильно он сделал, что не стал бить ее подносом.

Вновь распахнулась дверь. Ирма стояла в дверном проеме, но в руках у нее были не ключи, а ведро с крышкой.

Старик онемел.

— Когда захотите в туалет, погребите цепочкой. — Женщина поставила ведро в углу. — Я приду и помогу. Не думайте, что я оставлю его рядом с вами. С вас станется отбиваться им, когда я подойду. И знаете что? Я сейчас скажу кое-что очень важное. Вы меня внимательно слушаете?

Гройс молча смотрел на Ирму.

— Даже если я придумала глупость, — раздельно сказала та, — я все равно доведу ее до конца.

Едва дверь закрылась, старик с нарастающим страхом почувствовал, что мочевого пузыря у него переполнен. Бульон. Слишком много бульона.

И вот тогда самообладание ему изменило. Гройс был человеком ироничным, но старомодным. От одной мысли о том, чтобы облегчиться в присутствии женщины, его бросило в пот.

Он яростно зазвенел цепочкой.

— Хотите писать? — явившаяся Ирма была сама невозмутимость.

— Только не в ведро!

— Могу принести утку.

— Нет. Я буду ходить в уборную.

— Не будете. Слишком много сложностей. Не хочу рисковать.

— Послушайте, это просто смешно! — взмолился старик. — Я не способен мочиться при вас. Не говоря уже о том, чтобы испражняться!

— Вам и не придется. Вы просто сделаете свои дела, а я потом заберу... э-э-э... контейнер.

«Свои дела!»

— Отведите меня в туалет!

— Вот ваш туалет. — Ирма придвинула ногой ведро к кровати.

— Я не буду им пользоваться!

— Никуда я вас не поведу, — повторила она, — и не рассчитывайте. Если вы обмочитесь в постели, я вас переодену.

Гройса передернуло.

— Потерпите две недели, — насмешливо сказала Ирма. — Чем быстрее мы закончим наш проект, тем быстрее вы получите доступ ко всем благам цивилизации.

В Гройсе боролись стыдливость, ярость, желание придушить эту суку, заставляющую его проходить через унижение, и отчаянное желание облегчиться. Физиология победила.

— Выйдите, — процедил Гройс.

— Я отвернусь.

Ирма встала у окна, заложив руки за спину. Старик скрипнул зубами. Затем торопливо стащил штаны, и когда струя ударила в пластиковое дно, испытал острый приступ блаженства. О-о-о, как хорошо!

— Вот видите, все просто.

Она дождалась, пока он вернется в кровать, и подхватила ведро.

— Ужин будет через час. Рекомендую поспать. Нам с вами предстоят долгие разговоры.

«Сука. Безумная сука».

Однако правда состояла в том, что в настоящую секунду он не испытывал ничего, кроме облегчения. И это злило его больше всего.

Если бы Ирму Гуськову попросили рассказать о ее детстве, она оказалась бы в затруднительном положении. Детство у нее было благополучное, но настолько бесцветное, словно вместо Ирмы его проживал кто-то другой. А она приобрела это тело годам к двадцати. Заселилась, осмотрелась и начала хозяйничать. От прежнего владельца остались лишь бледные воспоминания.

Нелепую фамилию Гуськова Ирма терпеть не могла. Елена Одинцова — вот какое имя ей подходит. Оно село на нее как влитое. Ирма даже голову стала держать иначе: по-одинцовски.

В издательстве ее любили. Приветливая, всегда доброжелательная, она производила впечатление очаровательной незлобивой женщины. В отличие от большинства авторов, она всегда соблюдала оговоренные сроки. Редактор готов был молиться на Одинцову. Писатели — народ лживый и необязательный: пообещают сдать книгу в мае, и жди ее до сентября. Ирма себе такого не позволяла.

Она была не скандальна. В ней чувствовалось спокойное достоинство человека, который ни при каких обстоятельствах не встрянет в склоку. Окружающие ошибочно приписывали это воспитанию. «Интеллигентная женщина наша Елена Васильевна», — говорила корректор. Но уравновешенность Ирмы была другой природы. Она терпеть не могла тратить лишние силы. Зачем кричать, если можно действовать?

Однажды ей нагрубили на кассе. Магазин располагался далеко от ее дома, она зашла туда случайно. Ирма молча выслушала брань кассирши, вернулась неделю спустя и скрытно сняла камерой телефона, как та отпускает сигареты, не спросив у покупательницы паспорта. Девушка выглядела взрослой, но ей было всего пятнадцать. Ирма хладнокровно вызвала администратора, написала подробный текст в жалобную книгу и без труда добилась, чтобы кассиршу уволили. Неделя у нее ушла на то, чтобы найти подходящую девочку в соседней школе.

Ирма не считала себя мстительной. Просто она никогда не жалела времени на восстановление справедливости.

От природы у нее была прекрасная память. Ирма помнила все дни рождения знакомых, имена их детей, клички собак и болезни родителей. Возвращаясь из заграничной поездки, она всегда везла с собой витамины для мамы редактора или мазь от артрита, на который жаловался дедушка менеджера по продажам. Это ей ничего не стоило. Взамен она имела репутацию отзывчивой доброй женщины.

«Хорошее воспитание часто принимают за хорошее отношение». Эту истину Ирма усвоила очень рано.

А того, кто к тебе хорошо относится, окружающие любят.

При всей готовности тратить деньги на чужих родственников, Ирма была мелочна и чудовищно скупа. Из нее невозможно было вытянуть лишнюю копейку, если она не понимала, как в будущем эта копейка станет работать на нее. К ее станции метро по весне сползались, как божьи коровки, старушки с пучками укропа. Ирма без стеснения торговалась с ними и считала удачным тот день, когда удавалось сэкономить пару рублей.

Однажды в своем блоге она опубликовала описание такого торга. Сценка показалась ей

забавной. В ответ на нее обрушился вал нелепых комментариев. Ирма читала обвинения в жестокосердности и не понимала, что происходит. Ее подписчики в самом деле переживают о незнакомых нищих пенсионерках? В это она поверить отказывалась. Для нее старушка с укропом существовала лишь до тех пор, пока Ирма покупала у нее пучок. И растворялась в небытии, едва Гуськова заворачивала за угол.

Однажды ей рассказали о старом мошеннике Гройсе.

Вот она, чудесная возможность! Сундучок с историями, которых ей хватит до конца жизни.

Ирма отправилась к старику, и там ее ждал удар.

Просить она не умела. Откуда-то из детства осело в ее голове «просить стыдно», а немногим позже усугубилось любимой цитатой из Булгакова. Той самой, где «никогда и никого не просите». О том, что в книге эта реплика вложена в уста дьявола, Ирма ни разу не задумалась.

С Гройсом ей пришлось едва ли не впервые в жизни нарушить собственное правило. Что она могла ему предложить? Деньги? Права соавтора? Все это старого мошенника не интересовало.

Ирма собрала все свое бесстрашие. «Я расскажу ему, как важна моя работа. Он поймет...»

Но случилось то, чего Ирма боялась. Старик посмеялся над ней.

В отчаянной попытке исправить ситуацию, она посулила ему денег. Если ты предложил сделку и ее не приняли, это не так унижительно, как быть отвергнутым просителем.

Уходя из квартиры Гройса, Ирма едва не плакала от обиды и ярости. Она ощущала себя так, словно ей дали пощечину. Рядовой отказ раздулся в ее представлении до смертельного оскорбления.

С этой минуты Гройс перестал быть живым человеком и стал препятствием.

К вечеру план был готов.

— Я хочу, чтобы мне заплатили, — сказал Гройс, когда Ирма принесла ужин.

— Что?

— Работать на вас даром не стану. Две недели! Я вам не дурак.

Стараясь не выдать своей радости, Ирма поставила перед ним поднос.

— Сколько?

Следующие полчаса они ожесточенно торговались. В конце концов Гройс сказал, что для известной писательницы Ирма на удивление скаредна, и женщина сдалась.

— Буду платить вам за каждую историю, если она меня устроит.

— Запишите номер счета.

— Вы что, помните его наизусть?

— Естественно.

Гройс сидел на кровати, нахохлившись, с выражением недовольства на лице, и был похож на старую злую птицу.

— Что мешало вам сразу согласиться? — пожурила его Ирма. — Потрепали нервы себе, мне... А вам нельзя волноваться. Не в вашем возрасте!

Гройс нахохлился еще сильнее и нехотя буркнул:

— Вы отлично готовите. Можно добавки?

Ирма заулыбалась. Она действительно постаралась с ужином. Приятно, что старый

упрямец это оценил.

Покончив с добавкой, Гройс признался, что устал. Она поставила возле его кровати маленький колокольчик.

— Чтобы вам не пришлось каждый раз звенеть цепочкой.

— Спасибо. Это действительно было не слишком приятно.

— Я понимаю, — участливо сказала Ирма. — Потерпите немного, Михаил Степанович. Честное слово, у меня в гостях не так уж невыносимо.

— Даже если бы я хотел возразить, после вашего ужина это сделать невозможно.

Она с улыбкой пожелала ему спокойной ночи, и старик остался один.

Ирма плохо разбиралась в людях. Ворчливое смирение Гройса обмануло ее.

Но старик был в бешенстве. Даже не из-за того, что его посадили на цепь и вынудили откупаться от тюремщицы байками.

Ирма посягнула на самое ценное, чем обладал Гройс: на его время.

До семидесяти, благодаря прекрасному здоровью, старик не слишком о нем задумывался. Да и время вело себя с ним прилично. В детстве, как полагается, было бесконечным, прозрачным и тягучим, точно сироп. В юности загустело. В нем проступили отдельные годы, как засахаренные вишни. Потом спрессовалось и стало похоже на мармелад. Едва успеваешь прожевать новогодние праздники, как выясняется, что заодно откусил и от майских.

Ко всему этому Михаил Степанович был готов.

Чего он не ожидал, так это того, что случилось после семидесяти.

Банку с вареньем опрокинули. И выяснилось, что оно почти закончилось — едва можно наскрести по стенкам.

Впервые Гройс увидел это на следующий день после своего семидесятилетия. Он проснулся бодрый, в отличном настроении, и вышел на прогулку. Дворник в одной перчатке на правой руке водил по забору кистью. Запах краски ударил старику в нос, и Гройс внезапно покачнулся. Мысль о том, что он видит это в последний раз — и дворника, и перчатку в грязных пятнах, и забор, под которым расплываются зеленые кляксы, взорвалась в голове, словно петарда, брошенная безжалостным мальчишкой. Михаил Степанович потерял сознание.

«Старый дурень, — сказал он себе, очнувшись. — А ну отставить панику».

Но паники не было. Гройс трезво осмыслил происходящее.

Ему семьдесят. При очень хорошем раскладе он проживет до девяноста. При просто хорошем — до восьмидесяти. Значит, если быть оптимистом — а старик всю жизнь верил в лучшее — ему можно рассчитывать лет на десять.

Десять Новых годов.

Десять июней.

Десять заборов, воняющих краской по весне.

Примерно тысяча восемьсот дождей, если считать по сто восемьдесят в год (можно было бы и поменьше, подумал Гройс, любивший солнце).

Десять лет — это немало. Если переводить годы на язык ручной клади, Гройсу выдали довольно объемистый чемоданчик. В него помещались путешествия. Музеи. Вкусная еда. Полторы тысячи бутылок вина!

Но вот собака в него уже не помещалась.

Новое дело не влезало, как ни пытайся утрамбовать. Положим, чтобы затевать бизнес,

Гройсу не хватило бы энтузиазма, но вот собака... Он любил собак. Дворняг с развесистыми ушами. Напыщенных как жабы бульдогов. Вертячую косматую мелочь. Да хоть спаниеля, если из уважаемой семьи! Почему бы и нет?

«Спаниеля не будет».

Все-таки не чемоданчик. Саквояж. Потертый, потрепанный.

Гройс крепко вцепился в его ручки.

Прежде он и не догадывался, до чего жизнелюбив. Многие его ровесники уже потратили себя целиком и теперь вели тихое экономное существование, боясь лишний раз вздохнуть. А ему хотелось всего: смотреть, держать, чувствовать, жадно грести к себе обеими руками, отхватывать от этого мира кусок за куском. Старик и в авантюру с бриллиантами ввязался лишь потому, что все это его бодрило. Игра — вот что ему по душе! Денег хватало, и не ради них он взялся втюхивать негодные камни. Но, черт возьми, восторг переполнял его, когда у него все получалось! А еще больший — в тот момент, когда все висело на волоске. Когда жертва еще смотрит подозрительно, еще не верит ему. И только от Гройса зависит, переломит ли он ситуацию в свою пользу.

Как же он был счастлив последний месяц!

И все это прервала баба, потерявшая среди своих персонажей связь с реальностью. Поместила его в комфортабельную тюрьму и принимает за чистую монету комплименты ее страпне.

Две недели! Отобратить у него две недели и полагать, что это сойдет ей с рук? Гройс недобро усмехнулся в темноте.

План его был прост. Он убаюкает ее своими байками, как она того желает.

И сбежит.

Вокруг не тюрьма, а всего лишь дом в пустынном месте. На окнах нет решеток. Все, что ему нужно — избавиться от браслета на левой руке.

Модель наручников Гройс определил еще днем. Не китайское барахло и не поделка из секс-шопа. Но и не конвойные БРС-3, которые простой скрепкой не вскрыешь. Ирма приобрела стандартные наручники «Нежность» (Гройс восхищался ходом мысли человека, придумавшего это название).

Один браслет она застегнула на его запястье. К другому приварила цепочку, второй конец которой был закреплен в изголовье кровати. Гройс первым делом проверил прочность крепления, но его ожидал неприятный сюрприз: сделано было на совесть.

Значит, придется работать с замком наручников.

Идеально подошли бы маникюрные ножницы с загнутыми концами, но вряд ли он убедит Ирму, что ему нужно срочно подстричь ногти.

В размышлениях о том, где раздобыть кусок проволоки, Гройс заснул.

— Давайте начнем с чего-нибудь простого. — Ирма сегодня была сама любезность. Она придвинула стул, и на старика вновь пахнуло отдушкой ее гигиенической помады.

Гройсу стоило большого труда не поморщиться, но легкую гримасу на его лице Ирма все равно уловила.

— В чем дело?

— Э-э-э... запах.

Она нахмурилась.

— Запах?

Гройс не мог бы ответить, что заставило его в последнюю секунду солгать, но вместо того, чтобы сказать про землянику, он пробормотал:

— Псиной пахнет... мне показалось.

— А-а, это Чарли, — она вздохнула. — Спал на моем кресле, наверное.

— У вас есть собака?

— Вас это удивляет?

— Скорее, радует. — На этот раз Гройс не соврал. — Откуда он взялся?

Ирма раскрыла блокнот и глянула на него с усмешкой:

— Давайте поступим так: сперва вы рассказываете мне один из своих мошеннических фокусов, а потом я отвечаю на ваши вопросы о Чарли.

Мошеннических фокусов?

— Трюки в состоянии выучить каждый, достаточно усердия, — сухо вато сказал старик. — Из полных бездарностей получится посредственный фокусник. Но он все равно сможет вынимать из шляпы голубя. А вот если у вас нет таланта понимать и чувствовать людей, вы никогда никого не обманете.

— Нашли чем хвастаться!

Ирма спохватилась, что обидела его, но Гройс только пожал плечами:

— Это моя работа, а я профессионал. Что-нибудь простенькое, говорите? Допустим, тараканы. Совсем детский способ. Все, что вам нужно — это бумага, девушка и пять килограммов крахмала.

Честно говоря, своей выдумкой Гройс гордился. Он прокрутил это дельце, когда ему было чуть больше двадцати, — можно сказать, это было его первое мошенничество, идея, принадлежащая ему от начала до конца. Простая и бесхитростная, но оттого не менее удачная. Недаром потом она разошлась по стране как новый штамм гриппа.

Ирма озадаченно смотрела на него, пытаясь сообразить, что можно сварить из этих ингредиентов.

— Ну же, думайте! — приободрил Гройс. — Вот вам условие задачи: люди не любят тараканов. Как при помощи крахмала и девушки заставить их раскошелиться?

— При условии, что насекомых у них в домах нет?

— Разумеется.

Некоторое время Ирма сосредоточенно размышляла, но вскоре признала, что сдается.

— На бумаге вы печатаете объявление, — объяснил Гройс. — «В связи с сильной зараженностью вашего подъезда насекомыми, будет проводиться дезинсекция мусоропровода. Желающим обработать квартиры обращаться по телефону». Ну, или подвала — если мусоропровода нет.

— Ну и что?

— Вы правда не понимаете? — восхитился старик. — Счастливая женщина! Что случится, когда тараканов начнут морить в подвале?

— Они побегут по квартирам! — сообразила Ирма.

— Конечно! Поэтому жители двадцати подъездов, на которых я вешал объявление, звонили мне и просили провести обработку их жилищ. Одновременно с общей дезинсекцией. А дальше все несложно: в помещение входит девушка в маске, сует ответственному квартиросъемщику какую-то бумажку для росписи, проходит по углам и разбрасывает из коробки белый порошок. Берет деньги за обработку и покидает ошарашенных жильцов.

— А порошок — это, значит, крахмал?

— Самое безобидное средство. Можно воспользоваться содой, но вдруг в доме маленькие дети, а взрослые не уследят... Нет, крахмал идеален. Жильцы ждали три дня, потом убирали крахмал и с радостью убеждались, что в их доме не появилось ни одного нового таракана. Все были очень довольны. Представляете, сколько счастья я приносил людям?

Кажется, она не оценила его иронию. Торопливо строчила в блокноте, и Гройс не удивился бы, увидев в нем рисунок таракана в разрезе.

— Расскажите что-нибудь еще.

— Э, нет, теперь ваша очередь!

Она пожала плечами:

— У меня никакой истории нет. В прошлом году сюда прибилась дворняжка, я сначала просто подкармливала ее, а потом решила оставить.

— Любите собак?

— Совершенно к ним равнодушна, — неожиданно для себя призналась Ирма.

Гройс взглянул на нее испытующе.

— Зачем взяли?

— Людям нравятся те, кто берет бездомных животных. К тому же он фотогеничен.

— А! Съемки для газет и журналов?

— В первую очередь, для моего блога. Тридцать тысяч подписчиков! Приходится регулярно напоминать им, как он страдал, бедный малютка, и какая я молодец, что спасла ему жизнь.

Ирма улыбнулась и в этот момент показалась Гройсу почти симпатичной. Сквозь корку ханжества и притворства пробилось совершенно детское лукавство. Она лучилась самодовольством, точно ребенок, укравший варенье из закрытого шкафа, радующийся не столько запретной сладости, сколько собственной лихости: «Мне удалось перехитрить этих взрослых жадных дураков».

Она смеялась над людьми, восхищавшимися ее добротой. Но разве и Гройс не дурачил публику?

— А вообще я его не люблю, — добавила Ирма.

Короткая вспышка расположения тут же потухла.

— Не любите? Почему?

— Он тупой. Ничего не знает, ничего не умеет. Я надеялась, он будет как собаки в фильмах — приносить мне тапочки, или, знаете, прыгать так забавно, как тот пес в фильме с Джимом Керри.

— Джек-рассел-терьер, — пробормотал старик. — Его прыжки умиляют только первые два часа.

— А Чарли даже не лает на почтальона! — она не слушала. Лицо ее приобрело обиженное выражение, словно Чарли нарушил данное ей обещание. — Он научился только сидеть и бегать за мячиком. Все! Это глупая собака. Неинтересная.

— Можно мне с ним познакомиться? — осторожно спросил Гройс.

Словно тумблер щелкнул у нее в голове — Ирма от жалоб на бестолкового пса молниеносно перешла к подозрительности. Глаза ее сузились, она рассматривала Гройса, явно пытаясь сообразить, что он задумал.

— Мне будет здесь чертовски скучно ближайшее время, — признался старик. — А

собака — неплохое развлечение.

Женщина молчала.

— К тому же приятно посмотреть на пса-дурака, — добавил он. — Потому что это ваш пес... Уж извините за откровенность. Если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Вас греет мысль, что я завела тупое животное?

— Ага, — Гройс широко улыбнулся. — Как будто это небольшая месть providения.

Ирма помолчала, обдумывая что-то, затем встала, открыла дверь и неумело свистнула.

Спустя пару секунд в комнату влетело черное лохматое существо, помесь спаниеля и болонки, щедро разбавленная дворнягами. Кривоногий пес с проваленной спиной и дурашливой мордой. Он оперся передними лапами на кровать старика и оглушительно залаял.

— Фу! Брысь! Чарли, нельзя!

На хозяйку дальний потомок спаниелей не обращал никакого внимания. Гройс затруднялся выбрать, что его раздражает больше — собачий лай или крики женщины.

Он сунул Чарли под нос свободную руку. Едва обняв его ладонь, пес тотчас утомился и лег под стул Ирмы с выражением скуки на морде, хотя глаза хитро поблескивали из-под косматых бровей.

— Ему у вас хорошо, — нехотя признал старик. — Сытый, веселый, шевутной... Шерсть блестит. Слушайте, вы и правда молодец.

Ирма уже полностью утратила интерес к теме. О том, какая она молодец, она выслушивала по несколько раз в своем блоге, едва кто-нибудь из новых посетителей добирался до записей о бедном спасенном песике. А говорить о самом Чарли ей было скучно.

— Давайте продолжим. — Она помахала блокнотом. — Расскажите что-нибудь еще. Что важно для кидалы?

— Артиста, — поправил Гройс.

— Артиста?

— Кидалы — это другое. Наперсточники, например. Знаете таких? Или те, кто разыгрывает на рынке телевизоры и пылесосы. Этим я не занимаюсь. Грубая работа. Там нужна только нахрапистость. А мы — артисты. — Он задумался ненадолго. — Как вы думаете, от чего зависит самое первое впечатление от человека?

— От лица. В смысле, от внешности.

Старик покачал головой:

— От голоса. Поверьте, вы можете выглядеть как угодно, носить любые лохмотья. Но если вы правильно говорите, человек через две секунды забудет о том, что вы похожи на бродягу. Главное, чтобы от вас не исходило запаха. Тембр речи и аромат скажут собеседнику больше, чем ваша внешность, и эти сигналы воздействуют сильнее, потому что их не успевают обдумывать. Вы замечали, что цыганки, налетая на жертву, начинают болтать с двух сторон сразу и никогда не стоят рядом? Если говорить упрощенно, они создают эффект стереосистемы. Оглушают, но так, чтобы жертва сама этого не поняла. Грубовато, конечно. Я старался работать тоньше. Однако начинал с похожих вещей. Запомните, Ирма: всегда прислушивайтесь к звукам.

Старик опустил руку с кровати, щелкнул пальцами. Чарли потянулся к нему, и Гройс почесал дворняге подбородок. Не переставая говорить, потрепал пса за ухом, затем погладил макушку, пробежал пальцами по спине, словно пересчитывая позвонки. Едва он дотронулся

до середины крупа, пес замер, блаженно прикрыв глаза. Ага! Гройс стал массировать его сильнее, продолжая свой монолог.

— Вот, скажем, мойщики. Работают в поездах, иногда в электричках. Они почему мойщики — потому что часы «смывают» с руки. Но для этого нужно обменяться с жертвой рукопожатием. Обычно мойщик делает вид, что обознался. Давайте попробуем. Хотите?

Ирма вопросительно глянула на собственное запястье с маленькими золотыми часиками.

— Вы правда можете их снять?

— Руки, конечно, уже не те. Но рискну. А вы поймете, как работает мойщик. Это ведь тоже пригодится для книги, правда?

Гройс оставил в покое пса, сел на кровати и стал перебирать босыми ногами по полу.

— Представьте, что я иду вам навстречу по вагону.

Рассеянный взгляд его остановился на Ирме и лицо внезапно осветилось радостью узнавания:

— Сергей Игнатьевич! Боже мой, сколько лет! Голубчик мой, слышал про ваш выигрыш в лотерею — поздравляю, поздравляю отчаянно! Теперь машину купите? Или отдыхать? Я бы вам посоветовал Болгарию, у моего племянника там дача, всегда подскажет-поможет!

С этими словами Гройс обеими руками затряс ладонь Ирмы. Но тут же дернулся и чертыхнулся:

— Простите, наручник мешает. Может, отстегнете меня, чтобы я показал вам все по-человечески?

— Нет уж! Лучше я подойду!

Ирма пересела к нему на кровать.

— Ладно, — смирился Гройс. — Хотя это все равно не совсем то. Смотрите: одной рукой я вас обнимаю, а другой трясущую вашу ладонь. Вы отвлекаетесь на объятие, в то время как самое важное происходит внизу...

Но Ирма ни на что не отвлекалась. Она внимательно смотрела на свои часы. Старик тряс ей ладонь, цепочка наручников раздражающе звенела с каждым его взмахом, и вдруг его пальцы скользнули вверх по ее запястью. Движение было быстрым, однако заметным.

— Я же говорил, кандалы помешают.

— Ничего-ничего, продолжайте!

Не переставая греметь, старик с поразительной ловкостью двумя пальцами расстегнул застежку браслета, и часы упали в подставленную ладонь.

— Оп-ля!

Он протянул перед собой два сжатых кулака, словно предлагая угадать, в какой руке.

— В другую вы точно не успели их переложить! — уверенно сказала Ирма, хлопая по левому.

Старик с улыбкой разжал пальцы, и на ладони блеснули золотые часы.

— Поздравляю! Кстати, вас не так-то легко облапошить. Вы внимательны!

— Профессия обязывает, — сказала Ирма с улыбкой, которая тщетно пыталась из самодовольной прикинуться скромной. — Писатель должен быть наблюдательным. Правда жизни!

Она вновь застегнула часы на запястье и сунула блокнот в карман.

— Мне нужно уехать по делам. А вы пока решите, что будете рассказывать, когда я вернусь. Чарли, пойдем!

Гройс сидел на кровати, прислушиваясь. Когда шаги за дверью стихли, он скосил глаза на свою правую руку, которую так и держал сжатой в кулак.

— Что я тебе сказал? — пробормотал старик, отгибая мизинец. — Всегда обращай внимание на звуки. — Отогнул безымянный. — А когда обратишь, посмотри в другую сторону. — Он разжал указательный и средний. — Потому что где шумят, там обманывают.

Гройс еле слышно позвенел цепочкой. Пока он отвлекал Ирму звоном и фокусом с наручными часами, его правая рука не просто похлопывала ее по плечу. В разжатом кулаке лежала брошь с янтарными ягодами и листьями, которую старик незаметно отцепил от ее платья.

— Вот как выглядит настоящая качественная работа, — пробормотал он. — А теперь займемся наручниками.

Прежде чем начать поиск свидетелей, Сергей Бабкин дважды прошел по маршруту, на котором, предположительно, исчез старый Гройс. Он высматривал канализационные люки. Обычно в них проваливаются дети, но Бабкин слышал о случаях, когда взрослые люди проводили там не один час в тщетных попытках докричаться до прохожих.

Люки оказались закрыты. Сергей поговорил с продавцом фруктов, вспомнившим Гройса, затем получил от владельца салона свадебной моды разрешение посмотреть записи с их камеры наблюдения, но это не приблизило его к разгадке, куда же делся Михаил Степанович. В одиннадцать тридцать он мелькнул на камере: высокий элегантный старик в костюме и легкой шляпе, неторопливо шествовавший мимо салона. Но в двенадцать он в кафе не появился. От нужного дома его отделяло три квартала; значит, предстояло прочесать их в поисках свидетелей.

Сергей Бабкин много лет работал оперативником. Он не рассчитывал на быстрый результат. Просто начинай с самого простого, говорил он себе, пока Макар развлекается, придумывая самые немыслимые версии.

С Илюшиным Сергея связывали семь лет совместных расследований. Когда-то их свел вместе случай. Макар Илюшин, уже тогда занимавшийся частным сыском, посмотрел, как работает Бабкин, и предложил ему место своего помощника. С тех пор бывали времена, когда Сергей радовался своему решению, и времена, когда он проклинал себя за то, что поддался уговорам Илюшина, но ни одной минуты — когда ему было бы скучно.

В кармане загудел телефон.

— Я возле квартиры Гройса, — сказал Макар. — Как успехи?

Бабкин коротко отчитался.

— Приходи сюда, — потребовал Илюшин.

Верман и Дворкин, забив тревогу, первым делом написали заявление и получили разрешение на вскрытие квартиры. Они опасались наткнуться на труп, однако дом был пуст. В присутствии участкового и двух понятых ювелирам было не до того, чтобы рыться в вещах Гройса. Но Илюшину необходимо было все осмотреть.

— Требуется твой могучий интеллект, — сказал он Бабкину, когда они поднялись на третий этаж. — Я не могу определить наилучшую точку приложения силы к этой двери.

— Если я ее вышибу, сюда сбегутся все жильцы, — буркнул Сергей. — Попробуем отмычкой.

— Ее слесарь вскрывал. После него у тебя вряд ли что-нибудь выйдет.

Сергей невежливо отмахнулся от напарника. Он уже присел на корточки и возился с замочной скважиной. Вскоре раздался тихий щелчок, и, толкнув дверь, сыщики оказались в квартире.

Две небольшие светлые комнаты. Много цветов на подоконниках, книжные полки, забитые истрепанными томами... В углу спальни обнаружилась огромная птичья клетка.

— Не похоже, чтобы Гройс уехал, — сказал Макар, распахнув дверцы шкафа. — Вещи на месте.

— Палка тоже. — Бабкин указал на трость, стоявшую возле кровати. — Странно, что он не взял ее с собой на прогулку.

— Ты не упоминал, что Гройс хроمال.

— А он и не хромал, — припомнил Бабкин. — Может, болел и вылечился?

Покачав головой, Илюшин взял трость, покрутил и нажал на кнопку, скрытую в основании набалдашника. На конце выскочило короткое широкое лезвие.

— Так я и предполагал, — обрадовался Макар.

«Предполагал он!»

— Когда Верман рассказывал, что старик исключительно здоров, он не упомянул о хромоте. И Дворкин ничего не сказал. Вряд ли они забыли бы о таком факте, учитывая контекст. — Илюшин поставил трость на место. — И о чем нам это говорит?

— Старик не ожидал никакой опасности.

— Именно. Иначе захватил бы оружие с собой.

Они разобрали документы на столе, но там оказались лишь письма, которые Гройс писал родственнице, и списки покупок, отчего-то не выброшенные стариком. Включили компьютер, но на экране возникло окошко пароля, и как ни бился Макар, подобрать нужное слово ему не удалось.

— Чего и следовало ожидать, — флегматично сказал он. — Нужен хакер.

— Я целую дверь вскрыл, а ты древний комп взломать не можешь. — Бабкин взял очередной список продуктов и застыл.

— Что там такое?

— Может, и не понадобится ничего взламывать.

Он протянул листок напарнику. Твердым разборчивым почерком на нем было выведено:

1. Конопелева Елена Борисовна. 42. Не упом. родит!

2. Игнатова Лариса. контр.

3. Эльза Миолис. 28–29, грч. прс., + 4–5, оптим.

4. Динара Курчатова.

И еще восемь имен с непонятными заметками рядом.

— Можно было догадаться, что Гройс станет писать от руки, — сказал Макар. — Если я хоть что-нибудь понимаю, это перечень тех, кто купил бриллианты. Не всех, конечно. Но уже кое-что!

— А что значит... — Бабкин заглянул через его плечо, — гэрэчэ, пээрэс, плюс четыре и пять?

— Понятия не имею. Более-менее уверен только насчет первой. «Не упом родит», подозреваю, означает «не упоминать родителей». Гройс делал пометки, как себя вести.

— Старался избегать больных тем?

— Скорее всего. Давай так: я попробую их отыскать и побеседовать, а ты возвращаешься к поиску свидетелей. Если Игнатовых Ларис в Москве много, то Эльза Миолис, надеюсь, всего одна. С нее и начну.

Всеволод Крученых, больше известный среди своих знакомых как Севка, наблюдал за любопытным экземпляром хомо сапиенс. Пожалуй, даже выдающимся в своем роде. Исследователь живой природы Крученых не часто встречал подобных индивидуумов.

Экземпляр сначала зашел в первый подъезд Севкиного дома. Вышел оттуда минут через двадцать и направился во второй. Все это время исследователь человеческих типов сидел на крыше гаража и ждал. Когда экземпляр двинулся к третьему подъезду, Крученых сказал себе, что дело тут нечисто.

Хотя вот когда в прошлом году пропал Шайтан, мать тоже бегала по всем подъездам и

спрашивала, не видели ли поблизости белого кота с разноцветными глазами. В итоге Шайтан нашелся в шкафу их собственной квартиры и был сначала бит газетой, а затем расцелован и омыт счастливыми слезами. К тому же мать выглядела иначе: взмокшая и перепуганная. А этот товарищ спокойный, деловитый даже. Ходит себе и ходит. Может, счетчики проверяет?

Но тут экземпляр вышел из последнего, пятого подъезда, и Севка от своего объяснения сразу отказался. Не похож был этот мужик на проверяльщика.

— Слышь, пацан, — вдруг окликнули его.

Крученых и не заметил, когда тип успел подойти к гаражу.

— Чего вам? — настороженно спросил Севка, глядя на громилу сверху вниз. Опасный чувак. Плечи шириной с тот шкаф, в котором отсиживался подлюга Шайтан. Морда мрачная, руки утоплены в карманах, будто там у него либо ствол, либо нож. Севка свое раннее детство провел не на Соколе, а на станции Сортировочной совсем в другом городе, и в ножах со стволами понимал немного больше среднего москвича.

— Тут такое дело, — неторопливо сказал тип, — у моей жены дедушка старенький. Три дня назад он пропал. Гулял по этому району, а потом исчез.

Севка сочувственно закивал. У них самих еще недавно имелась бабушка Лиза, которая четыре года назад взяла да слегла. Мама сказала — потому что от жизни устала, а отец — подыхать собралась, и они тогда снова сильно поссорились. Севка спрятался, но все равно слышал, как мама упрекала отца, что тот даже матери не хочет помочь, а отец в ответ кричал, что он никому ничего не должен. Закончилось тем, что мать подхватила Севку, приехала в Москву, и стали они обживаться на новом месте и ухаживать за бабой Лизой.

Бабушка оказалась крошечная, как птичка. Лежала, моргала из одеяла. Совсем не говорила, только кряхтела или издавала слабый писк. Севка быстро научился распознавать ее сигналы и звать мать, чтобы поменяла подгузник. Они бабушку и купали вдвоем, и на балкон вытаскивали, чтобы свежим воздухом подышала.

У бабушки, кроме отца, была еще взрослая дочь, Севкина тетка, значит. Но та жила далеко, в другом городе. Раз в месяц звонила, спрашивала, как там мамочка, все ли в порядке, и рассказывала, что баба Лиза любит кушать. «Лучше бы денег дала!» — в сердцах сказала однажды мать. Не ей, конечно. Севке.

Иногда в гости заглядывала другая соседская бабка, Марьяна, женщина злобная и дотошная. Везде все обнюхает, нос свой сунет в каждый угол, а потом над бабкой Лизой наклонится и давай орать, как будто та глухая: «Не бьют тебя, Лизочка? Кормят вовремя?» Мать сразу головой покачала и ушла, как слышала эти вопли, а Севка однажды не выдержал и заступился за нее. Только Марьяне его возмущение — как кошачье мяуканье. И бровью не повела. После ходила по квартире, критику наводила. Вы, Таня, — говорила матери, — сразу видно, что женщина деревенская. Вот к чему, извините, здесь эта скатерть в адских цветочках? Ах, для красотыыыы!

И так смотрит, ведьма, что хочется провалиться сквозь землю, обернувшись три раза в эту самую скатерть, хоть и не понятно отчего. Красиво же! Подсолнухи!

Три года прожили с бабой Лизой. Мать медсестрой устроилась, с утра до вечера на работе. Так Севка приловчился сам бабку переворачивать и судно подсовывать. Подгузник менять не мог — брезговал. Его, честно говоря, и от судна-то едва наизнанку не выворачивало. Но баба Лиза становилась все легче и легче, и глядела на него порой так ласково, и попискивала, словно говорила «Спасибо тебе, Севочка», что он как-то понемногу приучил себя. Хотя вот отец твердил, что у бабки давно мозга не осталось, все Альцгеймер

сьел. Он так и жил на Сортировке, а от матери, когда звонил, требовал, чтобы та бросала ерундить и возвращалась, что за семья такая по разным городам, и сын без отца растёт, педерастом вырастет, как пить дать.

А потом бабушка Лиза умерла. Тихо-тихо, во сне. «Отмучалась, — сказала мать. — Можем мы с тобой возвращаться, Севочка».

И тут выяснилось неожиданное.

Лиза, едва узнав о своем диагнозе, составила завещание, по которому все наследство оставалось тому, кто будет за ней ухаживать. То есть ее невестке Татьяне.

Что началось! Приехал отец, нагрянула из своего далекого города родная дочь бабы Лизы... Сперва насили на мать. И она бы им уступила, Севка это чувствовал, но отец перестарался. Стал орать, что она жадная сука, тварь корыстная, сперва втерлась в доверие к его старой матери, а потом уморила ее ради квартиры. Мать как услышала это, изменилась в лице. Побелела, так что Севка перепугался до полусмерти, а потом вытолкала отца на лестничную клетку, хотя едва ему по плечо. И говорить с ним после отказывалась, сколько он ни звонил.

Отец с сестрой подали в суд, чтобы доказать, что завещание не имеет силы. Во-первых, бабка была не в себе, это всем известно. Во-вторых, нельзя так просто взять и обойти законных наследников.

И тут грянул сюрприз номер два. В суд явилась злобная Марьяна и сообщила, что на протяжении трех лет каждую неделю навещала свою больную подругу. И хочет заявить суду, что такого ухода, который обеспечивала ей присутствующая здесь Татьяна Глушко, не найти ни в одной больнице. В то время как никто из родных детей ни разу не появился у постели умирающей, — при этих словах Марьяна обернулась и таким взглядом обожгла отца с его сестрой, что те дернулись, — невестка покойной самоотверженно заботилась о ней. Одновременно растя сына и достойно служа обществу.

Эх и речугу закатила старая ведьма! Севка от восторга все губы себе искусал, пока слушал. Мать, конечно, брать его на суд не хотела, но он твердо сказал: пойду. Ты там одна не останешься.

Так она, глупая, вместо того, чтобы обрадоваться, отчего-то разревелась и целый час сморкалась в скатерть с подсолнухами.

В конце концов судья вынес решение в пользу матери. Севке его речь тоже очень понравилась, хотя он мало что понял. Но изо всех сил старался слушать, чтобы не смотреть на отца. Все-таки это было тяжело очень. Он сначала даже пожалел, что пошел, а потом вспомнил, как мать сморкалась в подсолнухи, и подумал, что правильно сделал.

Старая Марьяна потом, когда все закончилось, зашла к матери и поставила на стол бутылку собственноручно сделанной настойки. Выпьем, говорит, Танюша, за помин Елизаветиной души. Повезло ей с тобой, дай бог тебе здоровья, девочка моя.

И только Севка обрадовался, что старуха заговорила по-человечески, как Марьяна добавила:

— А скатерть-то ты убрала, я смотрю! Правильно. Жуткая безвкусица! И шторы эти сними, пока у меня глаза не вытекли.

— ...глянь, дружище.

Севка вздрогнул и очнулся. Снизу громила протягивал ему свой сотовый — целый новый «Самсунг», и не боится ведь, подумал Севка. Как слиняю я сейчас по гаражам с его

игрушечкой...

Но вместо того, чтобы слинять, лег на живот, осторожно принял телефон и внимательно рассмотрел фотографию на экране.

Ну, дедушка. Старый, но не старенький — этот нюанс Севка чувствовал хорошо. Старые могут ходить с прямой спиной, а старенькие, как ни стараются, гнутся и сутулятся. Дед на фотографии был с почти военной выправкой: подтянутый такой, сухопарый дедуля с умным лицом и насмешливым взглядом. Севка с сожалением пожал плечами и протянул сотовый владельцу.

— Не, не видел. А когда он пропал?

— Седьмого числа. Во вторник. Шел в кофейню и исчез по пути из парка.

Севка еще раз покачал головой.

— Жаль, — вздохнул мужик. — Спасибо, что попытался помочь.

Рассматривая удаляющуюся широченную спину в кожаной куртке, мальчик нахмурился. Как он сказал? Кофейня?

— Эй! Стойте!

Бабкин, услышав окрик, обернулся. Бритоголовый пацан приплясывал на гараже и размахивал руками.

— Вы как про кафе сказали, я вспомнил, — зачастил он, едва Сергей приблизился. — У них рогалики пекут по утрам, во вторник и субботу...

Женщина с красивым именем Эльза Миолис оказалась пугливой носатой толстухой, глядевшей на Макара через очки с явным недоброжелательством. Нет, она ничего не знает ни о каком Михаиле Степановиче. Гройс? Впервые слышит.

Стоило Макару заикнуться о том, что старик занимался драгоценностями, как перед ним захлопнули дверь. Эльза Миолис определенно не хотела обсуждать покупку бриллиантов.

— Повезло, что вообще открыли, — вслух подумал Илюшин.

Он предполагал, что кто-то из обманутых женщин рискнул поделиться с мужем историей о том, как их кинул на несколько миллионов пожилой жулик. Верман и Дворкин в два голоса настаивали на том, что Гройс выбирал жертв с таким расчетом, чтобы они до последнего хранили тайну. «Ему нужны были тетки, которые пойдут за кредитом, лишь бы муж оставался в неведении», — сказал Верман. Но ювелиры могли и ошибаться. А главное, мог ошибиться сам Гройс.

Но даже если старика избили, это не объясняло, куда он исчез.

Илюшин надеялся, что дело не дошло до багажника и маршрута в ближайший лес. Не потому, что нравы изменились с тех времен, когда подобная поездка считалась универсальным методом разрешения всяческих разногласий. Но он надеялся на здравый смысл обманутых. Зачем убивать, если можно сначала попытаться вернуть деньги?

На охраняемую территорию коттеджного поселка Илюшин попал, прибившись к молодой компании, возвращавшейся, судя по мокрой одежде, с ближайшего озера. Ребята на Макара не обратили внимания, а охранник, скользнув взглядом по лицам, без сомнений причислил Илюшина к юнцам.

Дом Курчатовых оказался самым высоким на улице. Макар решил, что сейчас придется объясняться с домработницей, но дверь открыла невысокая девушка в нежном шифоновом платье, явно не подходящем для мытья полов и варки борща.

— Здравствуйте. Вы к кому?

— Мне нужно поговорить с Динарой Курчатовой, — сказал Макар.

— Это я.

Динара безбоязненно вышла к нему. Скуластое лицо, широко расставленные темные глаза, две длинные косы.

— Простите, вы ведь были на выставке драгоценностей в конце мая?

Она кивнула, пристально глядя на него.

— Если не ошибаюсь, там вы познакомились с одним пожилым человеком... Михаилом Степановичем. — Илюшин показал фотографию на экране телефона. Небольшую, но Гройс на ней был вполне узнаваем.

— Михаил Степанович? — удивленно переспросила девушка. — Мне он представился как Леонид Сергеевич.

Раскосые глаза уставились на Илюшина испытующе. И что-то еще мелькнуло в их глубине, он не успел понять что, но это определенно была мысль, которую она хотела скрыть.

— Простите, много работы, уже заговариваться начал. — Макар улыбнулся ей, однако встречной улыбки не дождался. Его как будто взвешивали на точных весах, прежде чем решить, достоин ли он ответа. Но возможно, она волновалась из-за бриллиантов и не ждала от него ничего хорошего...

— Он исчез, — прямо сказал Макар, решив исправить положение. — Я разыскиваю его по просьбе родственников. Не вспомните, когда вы виделись с ним в последний раз?

К дому подъехала машина. Брызнул гравий из-под колес, и на Илюшина с Курчатовой вывалилось трое высоких парней в шортах, все со скейтами в руках. Один из них, рыжий, крепкий, с грубоватым, но привлекательным лицом в бледной россыпи веснушек, присвистнул:

— Э, Динка, ты чего тут отираешься?

Курчатова улыбнулась. Странная это была улыбка — со смесью раздражения, усталости и высокомерия.

— Вася, иди домой. Тебя бабушка ждет.

— Парни, бабуса наготовила жратвы!

— Хавчик, бро!

Рыжий покровительственно хлопнул Динару по плечу, хохотнул и увлек приятелей за собой.

— Ваш брат? — спросил Макар, глядя им вслед.

— Пасынок, — коротко ответила Курчатова. — О чем мы говорили?

— О Леониде Сергеевиче.

— Я видела его в последний раз... — она задумалась. — Кажется, четыре дня назад. Но не уверена, у меня плохая память на даты. А что, с ним что-то случилось?

— Надеюсь, с ним все в порядке, — уклончиво сказал Макар. — Просто его родственники пытаются установить кое-какие факты.

Снова короткий прямой взгляд и долгая пауза.

— Он был жив и здоров, когда мы встречались. Простите, больше ничем не могу вам помочь.

— В кафе по вторникам и субботам пекут рогалики, — сказал Бабкин. — Поэтому

мальчишка бегает туда и покупает выпечку. Утром седьмого он торопился, но успел заметить, как старику на улице стало плохо. Точнее, видел он не совсем это...

«Врачиха наклонилась над ним, а потом помогла вашему дедушке перебраться в машину. «Скорую»? Не! Обычная тачка, серая, кажись. То ли «Хюндай», то ли «Пежо». А может и «Тойота» старая, не разглядел я. Конечно, врач! Она же в халате была».

— Пацан видел старика, которого женщина в белом халате перетащила в машину. Он решил, что человеку стало плохо, а врач ему помогала. Даже и внимания особого не обратил, вспомнил по чистой случайности.

— Во сколько это было? — спросил Макар.

— Без пятнадцати двенадцать. Он помнит, потому что смотрел «Мстителей», а они закончились в одиннадцать тридцать. Собраться, добежать до Новопесчаной — как раз минут десять займет. Есть, конечно, шанс, что все-таки Гройс попал в больницу...

— Нет такого шанса. — Макар покачал головой. — Сема с Монеи еще раз все проверили. Гройса нет ни в одной клинике города, включая частные. Среди стариков, поступавших за последние пять суток, неопознанных не осталось.

— Выходит, все-таки похищение?

— Или старику стало плохо, а рядом оказалась спасительница в белом платье, которое мальчишка принял за халат. Но и тогда все это очень странно. Почему она не отвезла его в больницу? Отчего он до сих пор не позвонил? В общем, сдается мне, дед влип в историю.

Бабкин кивнул.

— А у тебя что? — спросил он. — Смог встретиться с кем-нибудь?

— С пятью. Четверо вообще не признали, что им кто-то продал бриллианты. Две дамочки, кажется, решили, что я подослан их мужьями, двое просто ушли в глухой отказ.

— А пятая?

— Почти уверен, она что-то скрывает.

— Кто это? — заинтересовался Сергей.

— Динара Курчатова. Не могу тебе сказать ничего определенного о нашем разговоре. Он был какой-то странный.

— Ты сам какой-то странный, — заметил Бабкин.

— У меня ощущение, что я сболтнул лишнего, — признал Макар.

— Что, красивая женщина?

— Да нет, обычная. Или необычная...

Сергей усмехнулся.

— Я бы посоветовал тебе встретиться с ней в неформальной обстановке и уточнить, но твоя подруга за такой совет съест меня без заправки.

— Моя подруга еще две недели будет в командировке, — рассеянно сказал Илюшин. — Нет, надо все-таки вернуться завтра к Курчатовой и попробовать ее разговорить. Что-то все-таки там было не так.

Но возвращаться ему не пришлось. На следующее утро, не успел Макар выпить кофе, раздался телефонный звонок.

— Макар, голубчик, — голос Мони Вермана звучал глуховато. — Вы не могли бы подъехать?

— Куда?

— К нам в салон. Мы с Дворкиным уже здесь.

— Что случилось? — быстро спросил Илюшин. — Гройс объявился?

— Нет, не Гройс. Кое-кто другой. Приезжайте, пожалуйста, и Сергея с собой возьмите.

На двери «Афродиты» висела табличка «Закррито». Исключительный случай для Вермана, который — единственный, кажется, во всей Москве — открывал магазин в девять утра. «А если женщина после завтрака поссорилась с мужем? — говорил он, когда продавцы жаловались, что до одиннадцати в салоне нет ни одного клиента. — А если она по дороге на работу решила порадовать себя кольцом или сережками, чтобы не было так горько? Вы что же, променяете свой сладкий сон на тихую радость бедняжки, просадившую последние деньги с общего счета?»

Илюшин хотел позвонить, но Сергей потянул дверь, и она беззвучно открылась.

Из глубины магазина доносились обрывки фраз.

— ...вы не понимаете, о чем говорите... — дребезжал Верман.

— Отлично понимаю, — перебил его женский голос. — И вы понимаете тоже. Но прикидываетесь дурачком.

В комнате повисло молчание.

— Тук-тук, — сказал Илюшин. — Что здесь происхо...

И осекся.

Диспозиция была такая: Моня Верман, потный, запыхавшийся, бегал кругами по комнате и остановился с появлением сыщиков. Курчавые волосы его стояли дыбом вокруг лысины, точно наэлектризованные. Сема Дворкин ютился на стуле, а широкое кожаное кресло Вермана было занято девушкой, которую Илюшин с первого взгляда не узнал.

Накануне она была с двумя школьными косичками и без следа косметики. Сейчас длинные черные волосы были подняты и зачесаны в гладкий конский хвост, а губы тронуты помадой. От этого, а может быть, от выражения почти спортивной собранности на лице, она повзрослела лет на десять. Причем это были непростые десять лет. Безрадостные.

— Сергей, познакомься, — сказал Илюшин, — Динара Курчатова.

Глядя на нее, Бабкин понял, отчего Макар сначала сказал о ней «обычная», а затем передумал.

Каждая черта ее лица была как будто слегка утрирована. Он не сразу поймал эту особенность, но когда поймал, уже не мог отделаться от ощущения, что нос чрезмерно узок, ноздри грубоватой лепки слишком оттопырены, губы тонки для ее скуластого лица, а глаза очень широко расставлены. В первый момент хотелось назвать ее некрасивой, во второй — редкой красавицей, в третий расписаться в полном непонимании женской привлекательности. Она была невысокая, с коротким атлетическим торсом и крепкими ногами. Бабкин отлично знал, что подобные фигуры не в моде последние лет пятьдесят. Но в ней чувствовалась сила, и если бы его спросили, что больше всего украсит эту девушку, Сергей без колебаний ответил бы — арбалет.

— Приятно познакомиться, — сказала Динара Курчатова.

И улыбнулась Бабкину так, словно он был юной невинной блондинкой, забежавшей в незнакомый замок в поисках укрытия от бури, а она — престарелым графом, едва успевшим стереть чужую кровь с краешка рта.

Сергей даже опешил. Во-первых, женщины при виде его обычно пугались, а не радовались. Во-вторых, если их лица озаряла улыбка, это была улыбка «ах-какой-вы-большой-и-сильный-мужчина!», улыбка «я-слабая-птичка», улыбка «защитите-меня-бедняжку». Динара Курчатова улыбнулась так, словно собиралась вонзить клыки Бабкину в

артерию.

— Бред какой-то, — пробормотал Дворкин. — Макар, вы только послушайте!

— Нет! — взвился Верман. — Не надо никого слушать!

— Вы же сами нас позвали. — Илюшин со спокойным интересом рассматривал гостью. — Что произошло?

— Эта безумная схватила нашего Гройса!

Верман вытер пот со лба и плюхнулся на диван.

— Что это значит? — не понял Макар.

— Это значит, что ваш Леонид Сергеевич у меня. Или будет лучше называть его Михаилом Степановичем?

Динара вытащила из сумочки сигареты и закурила.

Верман потребовал, чтобы она немедленно перестала отравлять воздух, но под вопросительным взглядом девушки стушевался и махнул рукой.

— Можно с самого начала? — попросил Макар. — По-моему, я пропустил кое-что важное.

Динара открыла окно и сбила пепел наружу.

— Я увидела его на выставке и сразу заподозрила в нем мошенника. Он подкатывал к разным женщинам... Выставка длилась три дня, он приходил с утра как на работу и уходил вечером. На второй день он обедал здесь, с этим, — она кивнула на взъерошенного Вермана.

— Откуда вы знаете?

— Я проследила за ним.

— Зачем?

— Мне было интересно, чем все закончится. Я любопытна.

Короткий взгляд, брошенный на Вермана, подсказал Илюшину, что она говорит правду. Гройс действительно приходил в «Афродиту».

«Довольно опрометчиво. Но кто мог подумать, что его станут выслеживать».

— Я выяснила у сведущих людей, кто заправляет всем в салоне «Афродита», и начала кое-что понимать. Несложно было догадаться, что вы действуете вместе.

— Поклеп! — прохрипел Верман.

Динара рассмеялась.

— Один человек продает бриллианты, а двое других держат ювелирный салон. Перестаньте! Даже школьник сложил бы два и два.

— Что вы сделали с Гройсом? — перебил Макар.

Женщина пожала плечами:

— Ваш старик сидит в подвале. Или не в подвале, а в сарае, — добавила она, заметив, как встрепенулся Бабкин. — Или на чердаке. Это пока не важно. Мне пришлось вколоть ему успокоительных, чтобы он вел себя потише. Сейчас он совсем смирный.

— Вы же понимаете, что это незаконно? — мягко спросил Илюшин.

— Так же, как незаконно то, что придумали эти двое вместе с тем жуликом. — Она захлопнула окно и обернулась к четверым мужчинам, не сводившим с нее глаз. — В общем, так: я знаю, что этот Гройс вам нужен. А мне кое-что нужно от вас. Вы исполняете мою просьбу, — она подчеркнула последнее слово, — и получаете обратно своего старичка. Это честный договор.

Илюшин присел на краешек стола и налил себе воды. Бабкин так и остался подпирать косяк. Он ничего не понимал.

— И вот здесь начинается самое интересное... — подал голос Дворкин.

— Интересно было, когда моя тетя Фира вышла замуж за татарина-антисемита, — отрезал Верман. — А то, что предлагает эта... эта... дамочка...

Он выхватил из кармана платок и промокнул вспотевший лоб.

— Я предлагаю сделку, — сказала Динара.

— Сделку? — повторил Илюшин.

— Это безумие! — зло выкрикнул Верман. — Вы только посмотрите на нее! У нас есть хорошее слово — хуцпа. Вы знаете, что оно означает? Нет, девушка, вы не должны поднимать вверх свои брови и делать вид, будто оно вам ни о чем не говорит. Вы родились с серебряной ложкой во рту, на которой было выгравировано это слово! Хуцпа, уважаемый Макар — это запредельная наглость. Неимоверное нахальство. Циничное! Грубое! Откровенное! Я, потомственный еврей, впервые вижу, чтобы нашу национальную черту так дерзко присваивала себе какая-то... какая-то...

— ...полукровка, — подсказала Динара. — Вы закончили экскурс в лингвистику?

Ювелир замолчал, подчиняясь больше взгляду Дворкина, чем ее требовательному тону.

— А теперь условия, — сказала Динара и посмотрела отчего-то на Илюшина. — Они просты. Вы делаете копию диадемы Антуана Турне. Отдаете мне. В обмен на нее я отпускаю вашего Леонида Сергеевича. То есть Михаила Степановича.

Наступило молчание. Дворкин посмотрел на Илюшина и пожал плечами, словно говоря: «А я предупреждал». Верман яростно комкал платок.

Тишину нарушил Сергей.

— Что еще за Турне? — со вздохом спросил он. — И зачем мужику диадема?

— Василий, отвези меня в салон! Ты слышишь, Василий?

Раскатистый голос старухи проникал во все уголки дома. Василий торопливо нацепил на голову наушники, нырнул в отцовский кабинет и притворился, будто ужасно занят.

— Василий!

Мегера. Пусть такси вызовет.

— Подойди сюда, я кому сказала!

Или Динарку пусть эксплуатирует. При мысли о жене отца Василий почувствовал приятное возбуждение. Он бы сам ее поэксплуатировал...

— Вот ты где!

Василий вздрогнул, и притворяться, что он ничего не слышит, стало бессмысленно.

Бабка стояла в дверях, ее маленькое злое личико покраснело от криков. Он обреченно увидел, что она уже оделась для выхода. Цветастый халат сменили брюки и шелковая рубашка. Узловатые пальцы Альфия спрятали в летние перчатки, морщинистую шею обмотала кричаще красным шарфом.

— Почему не отзываешься? — гневно спросила она. — Я ищу тебя по всему дому. И где эта сучка?

— Прости, бабушка! В наушниках ничего не слышал.

Про сучку Василий предусмотрительно не стал уточнять. Кого имеет в виду Альфия, было ясно, но дай он понять, что речь идет о Динаре, и бабушка устроит ему выволочку. К жене отца подобает относиться с почтением, по крайней мере, на словах. И в то же время она — самое бесправное существо в доме.

Василий не раз был свидетелем, как бабушка расхваливает при посторонних выбор

сына. «Бедра широкие, задница коровья — родит легко! Мальчишек будет приносить, у меня глаз-то наметан. Сокровище!» Обладательница коровьей задницы в эту минуту стояла рядом, опустив глаза, и с безмятежным лицом выслушивала комплименты свекрови. Но при домашних бабушка не стеснялась. «Сука безгрудая, — кричала она. — Три года обедаешь нас! Когда рожать начнешь, дрянь? Борька, дурак, что ты смотришь! Она что, пустобрюхая? Выкинь ее из моего дома, возьми нормальную бабу!»

Василий любил эти сцены по нескольким причинам. Во-первых, Альфия в завершение скандала начинала восхвалять его родную мать, первую жену отца. Превозносила и чрево ее плодоносящее (мать в новом браке родила уже двоих), и нежные черты, и локоны, золотые как янтарь под солнцем. В свирепой бабке просыпался восторженный поэт. Слушать ее славословия было и стыдно, и смешно. Тем более Василий знал: пока родители были в браке, она изводила невестку точно так же. Матери доставалось еще и за происхождение: Вера была русской, без малейшей примеси татарской крови.

Парадокс заключался в том, что много лет назад молодую Альфию отбил у татарского жениха первый секретарь обкома партии, Курчатов, которому в то время было уже за сорок. Был он русским, происхождение имел крестьянское, но Альфия всю жизнь руководствовалась постулатом о Юпитере и быке.

После упреков, сыпавшихся на ее голову, Динара некоторое время ходила присмирившая. Глаз не поднимала, смотрела в пол, говорила мало и негромко. Василий подозревал, что под незыблемой поверхностью омута в это время бушуют такие откормленные черти, что выпусти Динара хоть одного из них на волю, целым не ушел бы никто. Но подтверждения своим подозрениям ни разу не получил. Динара не спорила с Альфией, не пыталась защищаться. Молча выслушивала свекровь. Лишь иногда на скулах выступал слабый румянец. В такие минуты Василий глаз от нее отвести не мог. Вот притворщица! Стоит, алеет, очи долу опустила, пальцы переплетены, с губ ни звука не сорвется. И две косы струятся по спине. «Схватить бы тебя за эти косы...»

— Собирайся! Отвезешь меня к парикмахеру.

Василий мысленно застонал. Сначала туда, затем полтора часа ждать бабушку возле салона...

— Может, такси вызвать? — заикнулся он.

В ответ получил крики и упреки в неблагодарности. Таксистов Альфия недолго любила, говорила — грубят часто.

Из салона она вышла с белыми волосами и обновленной стрижкой — впереди длинная челка, по бокам рваные лохмы. Василий, плетясь за ней, подумал, что и сам мог бы так подстричь старуху.

— Теперь в банк! — приказала бабка, не оборачиваясь.

— Ты же говорила, только в салон поедem!

— Ты что, плохо слышишь? В банк!

Оставив внука дожидаться в машине, Альфия вошла в неприметное двухэтажное здание. Здесь ее хорошо знали. Старуха спустилась в подвал, где находилось хранилище, и, открыв ячейку, глубоко вздохнула — так, словно первый раз за долгий день вокруг было достаточно кислорода.

Если бы кто-то сказал, что она владеет камнями и золотом, Альфия назвала бы его глупцом. Она не знала слова «крестраж», придуманного английской писательницей, автором «Гарри Поттера». Но узнай старуха о его смысле, оно пришлось бы ей по душе. Крестражи

были созданы, чтобы хозяин мог заключать в них часть своей души и сохранять ее неприкосновенной.

Она дряхлеет, тело ее изнашивается. Даже голос теряет силу. Ее собственная бабка дожила до девяноста восьми, и лишь за два дня до смерти вдруг зашептала — вместо того, чтобы привычно громогласно и четко командовать домочадцами. А сама Альфия уже слышит предательское дребезжание, когда зовет сына, чувствует, что связки не повинуются ей. Вот что такое старость — утрата контроля. Не над другими, бог бы с ними. Над собой. Когда, рассмеявшись, первый раз чувствуешь, что намочила трусы. Или нога подогнется на ступеньке. Или вот голос...

А драгоценные камни не стареют. Неудивительна привязанность стариков к вещам, которые помнят их такими, какими они были прежде — молодыми, сильными, яростными. Ух, сколько ярости было в Альфии! А сейчас ее едва хватает на то, чтобы ненавидеть вторую жену сына и презирать инфантильного внука. Да и что это за ненависть? Слабая, обескровленная, иссохшая, как сама Альфия. Вражда должна быть такая, чтобы в ушах от нее звенело, чтобы воздух искрил, чтобы листья скукоживались и птицы падали замертво на подлете к дому. Вот она, питательная среда для Альфии! Быть бы ей женой Зевса, рассыпать молнии, сеять ужас и превращать красавиц в ползучих тварей по одной своей прихоти. Вот масштаб, который ей по душе. Вместо этого приходится удовлетворяться тем, чтобы раз в неделю покусывать невестку и изредка гонять туда-сюда ленивого Василия.

А ведь еще есть сын. В котором глубокая почтительность сочетается с полным пренебрежением ее желаниями. Борис Курчатов уважал свою мать как абстракцию, как идею, как легендарную фигуру, воспеваемую в романсах и превозносимую в блатном фольклоре. Саму же Альфию Ренатовну с ее неприятным характером и обременительными привычками он недолюбливал. Мать была старая, капризная, постоянно требовала денег, которые тратила на самое смехотворное, что только можно было представить в ее положении: украшала свое тело.

Очередной их разговор о диадеме завершился скандалом.

— Зачем тебе все это? — холодно спросил Борис. — Зачем парикмахер, зачем эти шелковые рубашки, брюки, туфли? Ты же тратишь немислимые деньги! Динарка столько не транжирит!

— Я женщина! — осадил его Альфия. — И должна выглядеть, как подобает!

Борис расхохотался.

— Какая ты женщина, мама? Ты старуха! Развалина! У тебя два направления мыслей должно быть — о памперсах и о душе! От тебя же, извини, мочой пахнет!

Альфия оскорбленно вскинула голову.

— А ты все помады часами выбираешь в магазинах, — закончил Борис. — Вот не дам тебе денег в следующий раз...

— Уеду к Дамиру! — прошипела старуха.

Дамир был ее двоюродным братом, жившим в Казани, главой большого клана, искренне привечавшем родню. Уклад у них был глубоко патриархальный, и Альфия царивших там порядков не признавала. Но на Бориса угроза подействовала. Мнение семьи много значило для него. Если родная мать сбегает от сына к родственнику, значит, он дурной сын, никуда не годный.

Борис Курчатов боялся этого и не хотел. А потому вынужден был терпеть капризы матери.

Видит бог, подумала Альфия, только женщины стоят того, чтобы их ненавидеть. Мужчины годятся лишь для презрения.

Она хранила бы диадему дома, но Борис запретил, страшая, что непременно ограбят. Что ж, она послушалась. Но каждый месяц, а иногда и чаще, приезжала в банк, спускалась в хранилище и убеждалась, что счастье обладания по-прежнему ощущается так же остро, как и во времена ее молодости. Альфия все ждала, когда оно начнет притупляться.

Но годы шли, а ничего не менялось. Она дотрагивалась до своей диадемы, и улыбка озаряла ее лицо. В этот миг старуха молодела на двадцать лет, но рядом не было никого, кто мог бы сказать ей об этом.

— Антуан Турне был ювелир, — сказал Дворкин.

— Для начала, Антуан Турне был Антоша Рубинчик, — раздраженно вскинулся Верман. — Прекрасная фамилия! Дивно сочеталась с его профессией, как у кулинара Похлебкина или аквариумиста Карася. Но Антоша решил, что фамилия Рубинчик вызывает смех, а не желание купить пару-тройку бриллиантов, и стал Антуаном Турне. Теперь над ним смеялись свои, зато покупательницы были в восторге. Иметь кольцо от Турне — это звучит!

Дворкин, не глядя, протянул руку, и Динара молча вложила в нее тонкую дамскую сигарету. Верман вздернул бровь, но вместо того, чтобы закурить, Сема принялся мять и крутить сигарету в пальцах.

— Турне работал в восьмидесятых, к сожалению, очень недолго. Несчастный случай — полез в горы и там ему на голову во время небольшого схода лавины свалился камень. Какая горькая ирония!

— Ирония начинается тогда, когда потомственный еврей-ювелир лезет на Верховинский Вододельный хребет, — буркнул Верман. — Как будто мало вокруг других возвышенностей! Пятый этаж собственного дома, например. Поднимайся на лифте и не гневи судьбу.

— За десять лет он успел сделать много работ, но известны стали восемь. Когда я говорю «известны», — поправился Дворкин, — я не имею в виду, что о них знали жук и жаба. Надо понимать, что Антуан Турне — вовсе не Карл Фаберже. Но он использовал хорошие камни, он имел вкус, и его украшения входили во многие зарубежные каталоги советских драгоценностей. Ах, какую он сделал диадему с синими сапфирами для Инги Манцевич — была в свое время такая польская актриса, изумительной красоты. Потребовала от очередного поклонника поразить ее, и тот заказал у Турне диадему. И совершенно потрясающе, что это было первое украшение с черными бриллиантами.

— Черных бриллиантов не существует, — сказал Макар.

Дворкин одобрительно кивнул.

— Вы молодец. Но это не совсем так. Есть карбонадо — спайка мельчайших алмазов с примесью соединений железа и графита, придающих ему черный цвет. Он исключительно твердый, но совершенно непрозрачный. Как можно назвать камень алмазом, если у него отсутствует чистота? Однако бывают и настоящие алмазы черного цвета. В них тоже высокое содержание графита, однако это настоящий монокристалл. Встречаются они редко, стоят дорого, и между нами говоря, камень это бессмысленный и некрасивый.

— Неужели Турне использовал настоящий?

Все посмотрели на Динару, словно она знала ответ.

— Ни в коем случае, — сказал вместо нее Дворкин. — Откуда у заказчика такие

средства? Поймите, стоимость диадемы не слишком высока. Она ценится в первую очередь из-за мастерства исполнителя и оригинального решения: заставить синий топаз играть еще ярче на контрасте с черным бриллиантом.

— Рубинчик был умный человек, — вздохнул Верман.

— В первую очередь Рубинчик был человек хитрый. В его руки когда-то попало несколько бурых алмазов и три темно-серых. Чтоб вы понимали: камни это дешевые, негодные. Их можно было вставить в простенькое кольцо и выдать несведущим людям за удивительный метеоритный осколок, но для человека, который из Антоши Рубинчика стал Антуаном Турне, это было слишком... плоско. Мастер обработал их, облучил и получил ровный черный цвет. Эти бриллианты по-прежнему ничего не стоили. Но он поставил их рядом с прекрасными топазами, и копеечный дефектный камень обрел новую жизнь.

— С людьми тоже так бывает, — буркнул Верман, не удержавшись. — Попадет какой-нибудь прохиндей в приличное общество...

— ...и хана приличному обществу, — бесстрастно закончил за него Сергей.

— Вы на что намекаете? Нет, пусть он скажет, на что!

— На то, что вы, Верман, законченный плут, — вздохнул Дворкин. — И я тоже, хотя мог бы жить честной жизнью, а не объяснять сейчас историю создания диадемы Турне и думать, жив ли наш Миша.

— Ваш Миша жив, — сухо сказала Динара. — Ближе к делу.

— Черные и белые бриллианты вместе с синими топазами Рубинчик вставил в золотую оправу, и воздыхатель подарил ее Инге Манцевич. Та продала ее, когда перестала сниматься, и некоторое время диадема кочевала по рукам. Пока лет пятнадцать назад ее не купил какой-то казахский промышленник.

— Татарский, — поправила Динара. — И не пятнадцать, а двадцать. Она хранится в семье моего мужа. Принадлежит его матери. Муж много раз хотел избавиться от нее — нужны были средства, он в свое время потерял почти все, что накопил его отец. Но Альфия отказывается.

— И копию этой диадемы хочет получить наша красавица в обмен на Гройса! — возвестил Моня. — Который сидит у нее в заточении! Барышня, вы не боитесь, что я сейчас позвоню в полицию, и дальше о Гройсе и диадеме вы будете беседовать уже с ними?

— Слушайте, вы же неглупый человек, — улыбнулась Динара. — Если вы привлечете к этому делу полицию, мне, конечно, придется сообщить, где ваш старик. А заодно рассказать им все остальное. Спорим, я уговорю минимум десятерых женщин подать на этого Гройса в суд за мошенничество? Если вы хотите, чтобы ваш Миша сел в тюрьму, звоните в полицию. Он, между прочим, рецидивист. Да-да!

Верман тяжело задышал.

— А если вы решите выследить меня и освободить своего друга сами, — добавила Динара, — имейте в виду, что я не собираюсь его навещать. Он под присмотром. И уж конечно, я была бы совсем душой, если бы прятала его в своем гараже. Я похожа на дуру?

— Вы похожи на авантюристку! Зачем вам копия диадемы?

— А вот это уже мое дело!

— Верман, для чего вы спрашиваете молодую девушку о том, что вам понятно без всяких слов? — миролюбиво поинтересовался Дворкин.

— Объясните, — попросил Бабкин. — Мне непонятно.

— Когда барышня говорит, что обменяет копию диадемы на нашего Мишу, она лукавит.

Не так ли?

Девушка молчала, сощутив черные глаза.

Сергей недоумевающе взглянул на Дворкина:

— Так зачем нужна копия?

— Копия, мой друг, нужна для того, чтобы незаметно продать оригинал.

Динара отвесила в сторону Семы полунасмешливый-полууважительный поклон.

— А заниматься этим будем мы, — буркнул Верман. — Эта красавица искала беспринципных ювелиров!

— И она их нашла. — Динара обвела присутствующих тем же воодушевленным взглядом, который при встрече озадачил Бабкина. — Ладно, не буду юлить. Да, я хочу продать диадему Турне. Но она слишком хорошо известна. Меня попросят доказать, что я владелец, а этого-то я и не смогу. Но вы — другое дело. Вы возьметесь продать ее для меня без всяких документов, за соответствующее вознаграждение. Не так ли, господа ювелиры?

Наконец-то Сергей осознал, что требуется от Вермана и Дворкина.

— Так вы хотите сделать копию диадемы, — медленно проговорил он, — и подложить ее матери вашего мужа вместо настоящей?

Динара взглянула на часы и скорчила сочувственную гримасу:

— Пять минут. У вас ушло слишком много времени на то, чтобы раскусить мой простой план. Вы здесь самый... ээээ...

— ...въедливый, — закончил Дворкин. — Сергей любит разбираться в вещах досконально. Он все понял правильно.

— Кроме одного. Как вы хотите подменить украшение?

— У свекрови скоро юбилей, восемьдесят пять лет. На торжество съедется вся многочисленная родня. Альфия каждый год надевает на праздник свою диадему. Это ритуал. Она ни разу не изменяла ему, даже когда попала в больницу. Я подменю диадему, пока та будет в доме. Это я смогу.

Снова повисло молчание. Динара невозмутимо закурила, словно подобные переговоры были ей не в новинку. Илюшин что-то обдумывал, Верман пыхтел, Сема загадочно улыбался.

— Что вы лыбитесь, Дворкин, как моя тетя Фира после первой брачной ночи со своим антисемитом? — не выдержал Моня.

— Ваша тетя Фира, чтоб ей не кашлять еще много лет, учитывая, что она работает в туберкулезном диспансере, улыбалась, потому что ее свежий муж оправдал ее ожидания. А я улыбаюсь ровно обратному. Мы ничьи ожидания не оправдаем.

— Наплюете на дружка? — прищурилась Динара.

— Милая барышня, Миша нам очень ценен. Но, видите ли, план ваш плох.

— Мой план прекрасен! — резко отозвалась она.

Дворкин сокрушенно покачал головой.

— Мне жаль это говорить, но у вас никогда не было настоящих драгоценностей. Украшение фамильное (а вещь, которая столько лет принадлежит одной семье, становится фамильной) — это особая история. Вы хотите, чтобы мы сделали подделку по фотографии?

— В сети полно снимков диадемы. Вы сами сказали: она включена в десятки каталогов.

Верман поцокал языком, поняв, к чему клонит его друг.

— Мы-то ее сделаем. Но ваша свекровь распознает фальшивку с первого взгляда.

— Чушь! Я навела справки, вы лучший мастер в Москве!

— Вы не понимаете, — Дворкин аккуратно положил истрепанную сигарету на стол, так

и не закурив. — Я мастер, да. Но владелец знает свое украшение, как хозяин знает свою собаку, и не спутает ее ни с какой другой. Свекровь проверяет диадему раз в месяц, так? Поверьте, она помнит на ней каждую щербинку, любое потемнение на металле. Она брала эту вещь в руки сотни раз. Стоит мне ошибиться в расположении единственного камня, и ваша Альфия заподозрит неладное.

Верман согласно кивнул.

Динара несколько секунд смотрела на Дворкина, не отрываясь. Лицо ее побледнело.

— Тогда я просто сдам вашего Гройса полиции, — наконец сказала она, и по ее изменившемуся тону Сергей Бабкин понял, что она не лжет и не запугивает. — Если я не получу того, что мне хочется, то и вы не получите. Это справедливо.

Верман вскочил, Дворкин поднял короткую ручку в протестующем жесте. Но их опередил Макар Илюшин.

— Слушайте, вам же нужна не диадема, а деньги. Может, совершим простой обмен? Выкуп. Вам искомая сумма, им, — он кивнул на ювелиров, — их друг.

Верман крикнул.

— Вы сами сказали, что диадема стоит недорого, — обернулся к нему Макар.

— Ну да, недорого, — промямлил Верман. — По сравнению с действительно ценными украшениями, скажем, ожерельем графини Бара...

— Сколько?

— Но мы все равно не соберем такую сумму...

— Сколько?

— Тридцать миллионов, — сухо ответила Динара.

Повисла тишина.

— В долларах? — нарушил ее Макар.

— В рублях.

— Я же говорил, не очень дорого, — слабым голосом пробормотал Дворкин.

— Мы высоко ценим Мишу Гройса... — начал Верман, но на полуслове оборвал фразу и махнул рукой.

— Дело не только в деньгах. — Динара обвела мужчин неприязненным взглядом. — Я хочу получить эту диадему. Именно ее.

— Но зачем, если вы все равно ее продадите?

— Чтобы у моей свекрови осталась фальшивка.

Выражение, промелькнувшее на ее лице, заставило прикусить язык Вермана, который собирался высказаться.

— Ни за какие деньги вы им Гройса не вернете, — помолчав, констатировал Илюшин.

Девушка выразительно пожала плечами.

— Тогда мы в тупике. Вам нужна диадема, скопировать ее по фотографии невозможно, значит...

Динара вдруг подняла голову, в глазах ее промелькнула какая-то мысль. Мужчины переглянулись. Они были знакомы с Курчатовой очень недолго, но достаточно, чтобы понять: ее идеи не обещают никому из присутствующих ничего хорошего.

— Значит, ее скопируют по оригиналу, — уверенно сказала она и рассмеялась, глядя на их непонимающие лица.

Брошь, украденная у Ирмы, не годилась. Старик окончательно убедился в этом после часа терпеливых попыток согнуть кончик иглы так, чтобы получилась отмычка. Но металл оказался слишком твердым. Игла не сгибалась, а значит, отодвинуть маленький язычок в замке ею было невозможно.

— Иди-ка сюда, дружок.

Гройс похлопал по ноге и приласкал подбежавшего пса. С утра Ирма уехала, и старик выпросил у нее разрешение оставить Чарли с ним в комнате.

— Ты, говорят, дурачок.

Пес, вывалив язык, дружелюбно вильнул хвостом.

— Ну точно дурачок, — вполголоса сказал старик. — А что это у нас тут есть для тебя?

Он вытащил из-под подушки белый мякиш. Кусок хлеба Гройс спрятал после завтрака, а когда Ирма унесла поднос, размял его и смешал с сахаром. Сахар тоже пришлось выпрашивать. Гройс пожаловался, что чай несладкий, и Ирма принесла целых четыре куса прекрасного рафинада.

Вернее, ничего прекрасного в нем не было. Хороший рафинад должен быть мелкий, твердый, чтобы ничем, кроме как сахарными щипцами, его не расколоть. Гройс понимал в этом толк. А Ирмины кубики крошились прямо в пальцах. Однако старику именно это и требовалось.

Он незаметно ссыпал растертый сахар в крошечный кулек, который смастерил из оторванного угла салфетки. Молчаливой улыбкой поблагодарил свою тюремщицу, а когда та закрыла за собой дверь, выплюнул в подставленную лодочкой ладонь теплый чай, который держал за щекой. Разболтал сахар в чае и смешал сироп с мякишем. Ладонь оттер об одеяло, а влажный хлеб положил сушиться на батарею, обнаруженную за кроватью. Тепла от нее не шло, но жар и не требовался: хлеб отлично высох на воздухе за пару часов.

Наживка была готова.

— Давай проверим, любишь ли ты сладкое. — Гройс отщипнул кусочек от мякиша и протянул псу.

Тот слизнул быстрее, чем старик успел сказать хоть слово.

— Ай, молодец. А теперь попробуем так...

Гройс негромко щелкнул языком. Чарли вопросительно посмотрел на него, и в награду получил еще один кусок.

Старик спустил ноги с кровати, дождался, пока пес утратит интерес и отвернется.

Снова издал щелчок.

Чарли обернулся, высоко подняв курчавые уши. На ладони человека уже лежал приготовленный для него сладкий хлеб.

Пес оказался внимательным учеником, а Гройс был исключительно терпелив. Когда Чарли понял, что пристальный взгляд на этого странного гостя, не слезающего с кровати, обеспечивает ему лакомство, старик перешел на следующий уровень. Он опустил руку с хлебом к полу, и как только пес слегка подогнул колени, щелкнул языком.

Спустя полчаса Чарли освоил команду «лежать».

Гройс использовал технику кликера — способ, при котором в тот момент, когда собака совершает правильное действие, издается звуковой сигнал, а затем животное поощряется

лакомством. Михаил Степанович пару раз видел, как профессиональные дрессировщики используют кликер — простой маленький приборчик, издающий щелчок.

Кликера у старика не было. Но он мог его имитировать.

— Ты, братец, далеко не глуп, — поведаль он Чарли, когда тот, закончив тренировку, запрыгнул к нему на постель. — Я бы даже сказал, ты умен. Слышишь, чучело?

Он потрепал пса по голове.

— А теперь давай сообразим, где нам все-таки раздобыть отмычку.

Но прежде следовало вернуть брошь хозяйке так, чтобы она ни о чем не догадалась. Можно было спрятать украшение под матрасом, но Гройс не хотел рисковать. Если Ирма хватится своего янтаря и решит обыскать комнату, ему больше не удастся убедить ее в том, что он смирившийся со своей участью слабый старичок. Который даже рад, что нашелся слушатель для его баек.

Это сказала Ирма. Поставив перед ним бутерброды и тарелку с кашей, собралась уходить, но вдруг повернулась с приветливой улыбкой:

— А ведь вы в глубине души рады. Признайтесь, Михаил Степанович!

— Чему? Овсянке?

— Возможности побеседовать с понимающим человеком!

Сперва Гройс подумал, что она тонко шутит. Затем — что откровенно глумится. И лишь радостное выражение ее лица убедило его, что это не ирония.

— Старым людям всегда хочется поговорить о своем героическом прошлом, — сказала Ирма, ласково глядя на него сверху вниз. — Наверняка вам приятно, что кто-то заинтересован в ваших историях. Помню, к нам в школу приходил пенсионер, ветеран войны...

Она ударилась в воспоминания об инвалиде, единственной отдушиной которого, по ее убеждению, были встречи с пионерами на девятое мая. Гройс слушал ее и представлял, как тарелка летит Ирме в физиономию, как горячая овсянка стекает по ее аккуратному маленькому носику и круглым щекам, повисает сопливыми ошметками в тщательно уложенных волосах... Обесценить его жизнь до того, чтобы предположить, что он будет радоваться собственному унижению! Он, прикованный к кровати! Гадающий в ведро!

Гройс чудом удержался от вспышки. Выручил его пес. Чарли сидел под ногами Ирмы, и сжав край тарелки с такой силой, что казалось, фарфор вот-вот треснет, старик внезапно подумал, что горячая каша разлетится по комнате и попадет на пса.

Эта мысль заставила его ослабить хватку. Ирма разливалась соловьем, вспоминая, как детьми они слушали ветерана и благодарили его, а тот в ответ умиленно жал детские ручонки.

«Потом приходил домой и напивался в зюю, — злобно подумал Гройс. — Или альбомы порнографические рассматривал, с такими же детишками на фотографиях».

Он исподлобья взглянул на женщину. Как же она книги-то пишет с таким знанием людей? Картонная чушь? Но ведь продаются же, и, судя по всему, хорошо продаются.

— Дадите мне почитать какой-нибудь из ваших детективов? — спросил он, перебив ее на полуслове.

Ирма весело подняла брови.

— С чего вдруг? А-а, хотите посмотреть, будут ли ваши истории обработаны должным образом! Не беспокойтесь, я хороший писатель.

Она подмигнула ему и вытащила из кармана гигиеническую помаду.

— Будете себя хорошо вести, вечером получите мою книжку в награду!

Привычно провела по губам и вдруг, словно подмигивания было мало, наклонилась и клюнула его жирным пахучим ртом в худую щеку.

Гройс оторопел. Это уже отдавало издевательством.

— Мы с вами можем стать настоящими друзьями, — серьезно сказала Ирма.

Тогда-то он и сообразил попросить ее оставить ему пса. Раз уж они без пяти минут друзья.

С брошью старик поступил в конце концов просто. Осторожно зацепил иглу за шерсть на груди Чарли, придержал его и бросил в коридор кусочек сахарного хлеба. Боялся, что не докинёт до двери, но все получилось даже лучше, чем Гройс ожидал: хлебный шарик долетел до стены коридора, ударился об нее и отскочил куда-то вбок.

— Ищи!

Умница Чарли бросился за лакомством. Существовал риск, что брошь свалится с него еще в комнате. Но старику повезло. Он услышал негромкий стук, когда пес выскочил наружу.

Ирма найдет брошь в коридоре и решит, что она сама упала с платья.

— Проволока, — пробормотал старик, бессильно дергая рукой и прислушиваясь к тоскливому дребезжанию цепочки. — Где бы раздобыть проволоку...

— Я готова, — сказала Ирма, целясь шариковой ручкой в страницу блокнота. — Про тараканов было просто и действенно. Расскажите что-нибудь похожее.

— Простое и действенное? — Гройс задумался. — Видите ли, все мошенничества довольно просты. Поэтому они и работают. В их основе лежит присущая многим вера в то, что именно они заслуживают найти портмоне с десятью тысячами долларов. Большинству хватает здравого смысла понять, что нельзя вложить два рубля и получить через неделю двести. Задача хорошего мошенника — обращаться к другому голосу в их голове, минуя голос разума. И заставить его говорить так громко, чтобы он заглушал все остальное.

— Можно пример?

Гройс ненадолго задумался.

— Вот смотрите: очень простой трюк. «Волшебный кошелек». В интернете вам попадается объявление: «отправь на этот счет любую сумму, и завтра она удвоится». Что делает наш клиент?

— Отправляет рубль?

— Обычно чуть больше. Стольник, кто-то даже не жалеет двухсот рублей. И что он видит на следующий день?

— Четыреста рублей?

— Верно. Удваивается лишь новая сумма, переведенная на счет. Поэтому наш голубчик переводит... сколько?

— Тысячу!

— Двести пятьдесят, — улыбнулся Гройс. — На этом этапе человек еще сам не верит своему счастью и хочет убедиться, что все взаправду. Через сутки на его счету оказывается пятьсот рублей, и вот тогда он играет по-крупному. Пять тысяч!

— И вы отдаете ему десять?

— Конечно.

— А если он уйдет с этими десятью тысячами и больше не появится? Вы останетесь в минусе.

— Один из двадцати уйдет, — согласился Гройс. — Но мне хватит и девятнадцати. Они уже прочно сидят на крючке. Самый важный элемент мошенничества — какой?

— Обман!

— Доверие, — укоризненно поправил старик. — Без доверия нет игры. Купить доверие большинства людей можно очень недорого. Достаточно отдать им четыреста рублей вместо двухсот, и они уже думают, что могут смело вручить вам двести тысяч. «Этот человек не обманул меня один раз, значит, не обманет и второй». Почти все делают эту ошибку.

Он снисходительно пожал плечами.

— Вам действительно присылали на «Волшебный кошелек» двести тысяч? — не поверила Ирма.

— Максимальной суммой, кажется, было восемьдесят. Но ведь плательщик был не один. Однако мой любимый момент в этой игре заключается вовсе не в первом обмане. В конце концов, здесь жертва еще может переиграть мошенника, как вы верно заметили. Большинство попадает на удочку, внося десять-двадцать тысяч. А теперь следите за руками... — Гройс сжал кулак, дунул на него, раскрыл — и на ладони его оказался свернутый из салфетки цветок. Ирма ахнула. — Когда первые сорок жертв потеряли по десять тысяч и сидят злые как собаки, кляня обманщиков, — что вы делаете? Правильно: публикуете новое объявление. Какое?

Ирма недоуменно молчала.

— Они уже один раз попались на крючок и теперь уверены, что больше их не обмануть, — сказал Гройс. — Так что же именно нужно написать во втором объявлении, чтобы они снова купились? Давайте, — подбодрил он, — вы же писатель! Знаток человеческих душ!

Ирма оскорбленно поджала губы:

— Вот именно, душ. А не пороков!

— На месте первого объявления вы публикуете второе. — Гройс наклонился к Ирме и раздельно произнес:

— «Обмани волшебный кошелек».

Старик откинулся назад с выражением глубокого удовлетворения на лице.

— Не понимаю, — растерянно сказала Ирма. — В чем смысл?

— В том, что за символическую сумму каждому желающему раскроют способ получить все деньги, накопившиеся в волшебном кошельке. Представьте: вы только что потеряли десять тысяч и понимаете, что стали жертвой развода. Как вдруг вам предлагают обмануть мошенников. Забрать у них все свои средства, а заодно и те, что внесли другие лохи. Для этого нужно лишь двадцать раз перечислить на тот же счет по пятьсот рублей. Тогда машина сломается и выдаст вам всю сумму.

Ирма уставилась на старика:

— Вы шутите?

— Ничуть.

— Только болван может поверить в такое!

Гройс пожал плечами:

— В нашей стране для болванов нет ограничений на совершение финансовых операций.

И видя, что она ошеломленно молчит, добавил:

— Я ведь предупредил, что большинство мошенничеств очень просты. Человека сердит мысль, что его обманули. Как развести его еще раз? Нужно заставить его поверить, что

теперь он сам может обмануть воров. Отомстить им! Ради этой призрачной надежды наш герой станет терпеливо переводить двадцать раз по пятьсот рублей, свято веря, что таким образом ломает систему. А заодно кидает своих собратьев-неудачников!

Ирма с минуту осмысливала сказанное.

— Знаете, — вдруг сказала она, — с таких типов не грех и срубить по десятке.

Гройс удивленно взглянул на нее — и захохотал.

— Вот вы и сделали первый шаг на пути к криминалу, моя дорогая.

— Я презираю дурней. Тем более жадных дурней.

— Так ведь большинство таково, — ласково сказал Гройс. — Не слишком умны и радуются случаю заработать копеечку на ближнем.

— Вы не очень-то верите в людей!

— Для этого я слишком хорошо их знаю. Вот вам простая загадка: в комнате десять человек. Кого из десяти следует назначить лохом?

На этот раз Ирма размышляла недолго:

— Самого глупого?

— Самого уверенного.

— Почему? — изумилась она.

— Он думает, что его-то уж точно никто не проведет. Самоуверенный человек сделал за кидалу половину работы. Он сам усыпил собственную бдительность.

По лицу Гройса скользнула такая двусмысленная усмешка, что взгляни Ирма на своего пленника, ее иллюзии насчет его отношения к ней развеялись бы в долю секунды.

— Люди все-таки кретины, — фыркнула Ирма.

На какой-то момент Гройса охватило нечто вроде нежности. Какая она трогательная в своей самонадеянности, какая милая! Эта ученически прикушенная губа, упавшая на глаза прядь волос, эта очаровательная сосредоточенность! А снисходительная улыбка на ее губах, когда она описывает глупцов, клюющих на простейшую приманку! Честное слово, подумал Гройс, если все писатели таковы, мне стоило давным-давно переключиться на них, а не шерстить карманы простых пользователей интернета.

— Запишите себе в копилку, — сказал он, — одно простое объявление, которое работает везде и всегда. «Одинокая старушка завещает свою жилплощадь за достойный уход. Конверт с обратным адресом и сто рублей на пропитание вышлите предъявителю такого-то паспорта».

— Об этом еще О. Генри писал!

— Вечная история, — одобчительно кивнул Гройс. — Он сам был мошенник и знал, о чем говорил.

— Это еще неизвестно!

— Поверьте, я своих чую!

Ирма от души рассмеялась.

— Это великий писатель вам свой? Михаил Степанович, не преувеличивайте собственную роль в истории! О. Генри одной крови со мной, а не с вами.

— Это была шутка, — скромно сказал Гройс. — Возможно, не слишком удачная.

Женщина нахмурилась. Ярко покрашенный рот сжался в линию, вокруг которой обострились злые морщины, точно стрелки, указывающие наблюдателю: опасность здесь.

Переход от улыбки к мрачности насторожил старика. Почва под его ногами вдруг превратилась в лед, под которым темнела глухая вода.

— Вы надо мной смеетесь? — неприятным голосом осведомилась Ирма.

— Над вами? Нет, конечно.

— Вы сказали «шутка». По-вашему, я не в состоянии оценить ваш искрометный юмор?

Вообще-то именно так я думаю, мысленно сказал Гройс. И не только мой. Ты слишком сконцентрирована на себе, моя дорогая, а юмор предполагает умение абстрагироваться.

— Я действительно неудачно пошутил, — смиренно сказал он. И решив, что с самоуничтожением в его положении перестараться нельзя, добавил: — Наверное, в глубине души я хочу придать себе значимости. Вот и пытаюсь сделать это... довольно неуклюже.

Несколько секунд Ирма смотрела на него без всякого выражения. Гройс уже знал, что так бывает всякий раз, когда она обдумывает, не лжет ли он ей. И похоже, в этот раз ее проницательность неожиданно включилась, потому что Ирма не верила Гройсу, он это видел. Хотела верить — но не верила.

«Я где-то допустил ошибку».

Но он уже знал где. Когда назвал имя О. Генри. Не следовало затрагивать тему писательства, для Ирмы это больной вопрос. Десятки изданных книг, сотни тысяч читателей, а она до сих пор числится «женщиной-детективщицей». «Детективы — не литература!» — наверняка этот лозунг преследует ее всю жизнь. Гройс понятия не имел, хорошо ли пишет автор Елена Одинцова (он предполагал, что паршиво), но его тюремщица Ирма, несомненно, улавливает оскорбление в любом упоминании других писателей. Особенно если старый прохиндей, сидящий на цепи, сравнивает с ними не ее, а себя.

— Ладно, бог с вами. — Она все же снисошла до его извинений. — Валяйте, рассказывайте дальше.

Гройсу расхотелось валять. Он непростительно расслабился со своим чувством превосходства над ней, забыл, что должен быть постоянно начеку. Он все еще в наручниках, и у него по-прежнему нет отмычки, а Ирма из племени обидчивых — тех, кто начинает кровоточить всей душой от любого неосторожного слова. Но это полбеды, а вторая половина — что она при этом мстительна. За каждую каплю пролитой крови враг заплатит ведром своей. Ты даже не успел понять, что ненароком уколол человека булавкой, как тебя уже истыкали стрелами и для верности вспороли живот.

Мне нужно быть очень внимательным, подумал Гройс. А пока я глупый старик, не способный фильтровать базар.

Он собрался с силами и заставил себя улыбнуться ей.

— Я еще не рассказывал вам, как продал одному любителю-уфологу останки пришельца? Хотя нет, лучше как-нибудь в другой раз.

Гройс не гордился этим случаем. Любитель был человеком до того увлеченным, что труп бесхвостой набальзамированной кошки, лично побритой Гройсом и выкрашенной синькой, заставил его прослезиться. «Я знал, я знал! — бормотал он, дрожащими руками отсчитывая Михаилу Степановичу мятые купюры. — Нам лгут! Пришельцев среди нас много!»

«Вы совершенно правы!» — вполне искренне отвечал Гройс, полагая, что кошек и в самом деле вокруг хватает, а ненормальных старух, делающих чучела из своих любимцев, при некоторой смене угла зрения можно принять за существ с другой планеты. Но его грыз червяк стыда. Грешно разживаться деньгами за счет детей, стариков и невменяемых, а уфолог, предъяви он Михаилу Степановичу хоть десять справок о психическом здоровье, во внутренней классификации Гройса проходил по категории умалишенных.

Несколько оправдывало Михаила Степановича то, что он оказался без копейки денег в чужом городе, и если бы поголодал еще пару дней, съел бы даже ту самую кошку, которую после смерти безумной старухи родственники выкинули на помойку. Но все равно, все равно...

А вот о поездке в Тамбов было приятно вспомнить. Он никому об этом не рассказывал, но история хранилась в его голове во всех подробностях. Перед глазами встала даже фотография из паспорта, позаимствованного им у пьяненького попутчика.

В Тамбове пахло сухой пылью. Жара стояла такая, что отслаивалась и шла трещинами штукатурка. В тени под заборами увядали собаки, барышни обмахивались бумажными веерами, квас из бочек разбирали с самого утра.

Михаила Степановича занесло в Тамбов не по его воле. Он-то предпочитал столицы, будь то российские или европейские, но в данном случае имперские замашки были некстати: приходилось удирать, и быстро. Он долго ехал, путал следы, перескакивал с поезда на поезд, и в конце концов оказался в Тамбове.

Без денег.

Зато с паспортом на имя Голубкова Геннадия Ивановича, сорока пяти лет, не имевшего, впрочем, никакого сходства с Гройсом. Михаила Степановича это не смущало. «Люди сначала слушают, потом смотрят».

[Купить полную версию книги](#)

notes

Макар вспоминает дело, описанное в книге «Алмазный эндшпиль».